

Колдовские
МИРЫ

ДЛЯ НЕГО ЕЕ СМЕРТЬ — ОТМЩЕНИЕ.
ДЛЯ НЕЕ ЕГО СМЕРТЬ — СПАСЕНИЕ.

Анна
Платунова

ОДИН ПОЦЕЛУЙ
ДО ДРУГОГО МИРА.

Колдовские миры

Анна Платунова

Один поцелуй до другого мира

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платунова А. С.

Один поцелуй до другого мира / А. С. Платунова — «Эксмо»,
2021 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-159810-5

Город сдался без боя отрядам жестокого префекта Ксандора. Алым жрицам не будет пощады. У юной Ивы остались считанные часы на то, чтобы спасти сестер. Она должна убить Ксандора, или он убьет их. Вот только сделать это не так просто: кинжал сработает лишь в одном из миров-отражений. Один поцелуй – и души переместятся в другой мир. В какой? Воля случая. Ведь миров сотни, и можно оказаться где угодно. Успеет ли Ива убить своего врага? Или что-то снова пойдет не так?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159810-5

© Платунова А. С., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Сергеевна Платунова

Один поцелуй до другого мира

Глава 1

Она шла, чтобы убить его.

Впервые с того дня, как войска Конфедерации, преодолев границу Сфоридиса, подошли к стенам Куржа и разбили лагерь, Ива надела алое платье. Она знала, что алый цвет мгновенно выдаст ее с головой: только жрицы культа богини любви имели право носить одежду этого цвета. Знала, что любой патруль тут же опознает ее и отведет к префекту, где ее сначала допросят, а потом убьют.

Но она должна убить первой!

Город сдался без боя. Натиска Конфедерации не выдержал даже многотысячный Терн. Армию не остановили ни рвы, наполненные водой, ни крепкие каменные стены, ни лучники, ни хорошо подготовленные отряды воинов, вооруженных щитами и мечами. Не чета ополчению, спешно собранному здесь, в Курже, где каждый вооружился чем мог: древними мечами, оставшимися от деда, проржавевшими и разболтанными в рукояти, тесаками, что прежде использовались для рубки мяса, вилами и даже кольями, выдернутыми из изгороди.

Вот только сражаться не пришлось. Совет Пяти принял решение вынести золотую печать и положить у ног префекта, смиренно отдавая город на милость победителя. В Совете Пяти не было трусов, но Курж возглавляли рациональные люди: город все равно падет, так не лучше ли побережь жизни граждан, а заодно и постройки от неумолимой мощи вражеской армии? Войска Конфедерации жестоко карали сопротивление, но к покорившимся городам проявляли милосердие.

Конечно, без показательных казней не обойдется, да жриц богини любви вычистят до последней сестры, пусть ей от рода всего десять лет, – именно в этом возрасте девочек отдавали в Алый дом. Что же, такова война – без жертв не обходится.

Ворота Куржа гостеприимно распахнулись. Пятеро старейшин в белых одеяниях вышли вперед и склонили колени перед префектом. Один из них, не поднимая головы, протянул вышитую золотом подушечку, на которой лежала печать.

Ива наблюдала со стены – у нее давно хранился ключ от не приметной железной дверцы, за которой начинались ступени, ведущие в одну из заброшенных смотровых башен. Конечно, стражники, проходя по стене, каждый раз миновали башню, но надолго не задерживались в этом ненадежном, полуразрушенном и лишенном крыши убежище.

В тот день здесь и вовсе никто не появился. Никто не отвлекал Иву от созерцания того, как старейшина передает Курж в руки самой смерти. Ее смерти.

Отсюда плохо удавалось разглядеть, но смерть неожиданно оказалась довольно молода. Префект снял шлем и оказался жгуче черноволос. Очевидно, командир когорты был уроженцем Аланка – одной из стран, входящих в Конфедерацию. Он благосклонно принял печать и коснулся правого плеча старейшины, разрешая подняться.

Ворота оставили открытыми, но префект не торопился входить в город. Лагерь разбили у его стен, а в Курж отправились патрули. Солнце огнем горело на золотых нагрудниках и шлемах с высоким гребнем: каждый житель должен заметить воинов издалека, а заметив, вспомнить, кому теперь принадлежит город.

Ива знала, что это короткая отсрочка. И пускай сейчас все не кажется таким опасным, пощады не будет. Завтра в Курж войдет отряд, чтобы отыскать Алый дом и убить всех сестер, не оставив ни малейшего шанса ни одной из них.

Поэтому с утра Ива надела алое платье и отправилась к выходу из города. Жители отворачивались и опускали глаза при виде той, с кем еще несколько дней назад с почтением здоровались. Им было жаль жриц, особенно юных девочек, но война есть война. Да, они погибнут, но зато их собственные дочери и сестры останутся живы.

Никто точно не знал, откуда взялась эта черная ненависть к жрицам древнего культа. Знали только одно – в любом городе на территории Сфоридиса их вырезали подчистую.

– Ива! – тихо окликнул ее пекарь Рубер, что стоял у дверей своей булочной.

Всего пару дней назад Ива покупала у него свои любимые соленые крендельки. Ну как покупала – Руб молча всунул ей в руки бумажный пакет, а когда Ива протянула пару медных монет, замахал руками как заполошный.

– Нет-нет, даже не думай! После того, что вы, девочки, сделали для моей жены, это мы вам по гроб жизни обязаны!

Ива и Роза приняли у жены пекаря тяжелые роды, хотя никто уже не надеялся на благополучный исход, и теперь маленькой дочери Рубера исполнилось два года.

Рубер огляделся по сторонам, удостоверился, что поблизости нет никого, кто может подслушать, и прошептал:

– Я спрячу младших сестер. Приводи их ко мне.

Ива грустно улыбнулась и покачала головой.

– Спасибо, Рубер, ты хороший человек. Но это бесполезно. У каждого префекта есть специальный амулет – он укажет на жриц Алого дома, где бы те ни прятались. Они найдут моих сестер, но и твоих жену и дочь не пощадят.

Ива прикоснулась к руке пекаря и продолжила путь, не оглядываясь.

Она не позволяла себе бояться. Бояться будет потом, если надежды не останется. А пока у нее был план, правда, хрупкий, опасный, почти смертельный.

Ива убьет префекта. На какое-то время воцарится хаос безвластия. Пока назначат нового командира, уйдет несколько дней, возможно, недели. Жриц Алого дома никто не посмеет тронуть без прямого приказа. По крайней мере, амулетом не может воспользоваться никто, кроме носителя, а если он окажется мертв, можно попытаться сбежать из города.

Младших девочек спрячут в ближайших деревеньках: никто не догадается проверять селянок с их богатым потомством – в каждой семье по пять-семь детей. Предполагая, что Курж недолго сможет противостоять хорошо вооруженной армии, Ива заранее договорилась, где сумеет оставить сестер. Оплатила золотом. А со старшими они попытаются дойти до границы с Томундом, это маленькое государство сохраняло нейтралитет. На его территории алые жрицы будут в безопасности.

Если все получится. Если...

– Эй, ты, не так быстро!

Хотя Ива ждала появления патруля и сама хотела быть замеченной, окрик воина застал ее врасплох.

Их было двое. Совсем еще молодые ребята. Если бы не шлемы, нагрудники да мечи, что они выхватили, направив на Иву, можно было бы принять их за подростков, которые играют в войну.

– Вы ко мне обращаетесь? – Ива придала лицу невинное выражение.

– К тебе, алая тварь! Глаза опусти! Ишь, вылупилась! – крикнул тот, что посмелее. – Бар, отойди от нее подальше, не ровен час коснется и проклятие наложит!

Ива мысленно покачала головой. Парни не выглядели бравыми воинами, но и трусами, вероятно, не были, иначе бы просто не выжили в долгом походе, давно бы изгнили в сырой земле со стрелой, вонзившейся в спину. Однако суеверия и страх перед непостижимым пугали их сильнее честных мечей.

Ива знала, что в армии Конфедерации об алых жрицах говорят всякое. Самыми невинными были слухи о том, что жрицы богини любви всего-навсего продают свою любовь за деньги. Да только не всем, а самым богатеньким. Говорили также, что жрицы – ведьмы, которые могут проклясть одним прикосновением. А стоит посмотреть им в глаза, как тут же влюбляешься без памяти, забываешь обо всем и готов убить ради коварной соблазнительницы даже родного брата.

– Да что с ней разговаривать! Глотку ей перерезать, и готово дело! – подал голос Бар.

Оба воина, судя по выговору, были из Тарикии, бывшего союзного государства Сфоридиса.

– Ну давайте, кто самый смелый?

Ива двинулась грудью на говорившего, а тот, вооруженный острым мечом, сделал шаг назад.

– Да ну ее, эту тварь. Отведем к префекту, как положено! – стушевался он, делая вид, что не испугался, а всего лишь вспомнил о приказе.

К префекту. Именно этого Ива и добивалась. Отступить некуда – скоро все решится.

Ее рука не дрогнет, поднимая кинжал. Правда, шанс только один – разить надо насмерть. Ива сделает все, чтобы не упустить эту возможность!

Глава 2

Шатер префекта размещался в центре лагеря и был замечен издалека: на флагштоке развевалось знамя – оскаленная волчья морда на синем фоне.

Ива шагала вперед и, чтобы не предаваться паническим мыслям, разглядывала лагерь, удивляясь тому, как разумно и удобно здесь все налажено. Слава об армии Конфедерации шла впереди нее. Говорили, что она таскает за собой крепость, что, даже останавливаясь на ночевку, лагерь обустраивается так основательно, что вполне может перезимовать.

Ива в сопровождении стражников миновала частокол, после него – неглубокий ров и вал земли. Они были сооружены для того, чтобы неприятель не смог поджечь лагерь или напасть незамеченным. Город сдался, но префект не терял бдительности. Ива почувствовала глухое раздражение, перемешанное с... уважением? Что же, при всей ее ненависти к армии Конфедерации Ива, кажется, догадывалась, почему ее продвижение по стране столь победоносно.

Они шагали между палатками по прямым широким проходам, начерченным точно по линейке. Воины, завидев жрицу, поднимались на ноги и провожали ее долгими взглядами.

– Конец тебе, ведьма! – крикнул кто-то, но его голос утонул во всеобщем молчании.

Воины могли ненавидеть алых жриц, но ничто не отменяло той притягательной силы, которую источали эти непостижимые и прекрасные девы. Ива шла вперед, гордо подняв голову, и со стороны казалось, что ее не ведут под конвоем, а сопровождают, словно королеву. Алое платье открывало плечи, и утренний свет стекал по ним, будто сияющая жидкость. Тонкий шлейф платья струился на ветру, напоминая языки пламени. Когда жрицы любви хотели благоговейного внимания, они его получали. Не все слухи о них были ложны.

Конвой привел пленницу к шатру. Два стражника двинулись навстречу, преграждая путь. Впервые на их памяти приговоренные приходили сами, а не пытались бежать или умолять о пощаде, прикрывая до последнего самых маленьких сестер. Личная охрана префекта часто сопровождала его в карательных рейдах в Алый дом. Сердца воинов уже достаточно ожесточились и затвердели, руки не дрожали, перерезая горло или вонзая клинок в грудь, но сделать это было проще в пылу погони, сейчас же юная жрица пришла сама. Она смотрела открыто и прямо, не показывая и тени страха.

– Решила побыстрее отправиться на тот свет, цыпочка? Зря торопишься, завтра мы бы сами вас навестили! Или надеешься разжалобить нашего командира? Это напрасно. Подойди ближе, пощупаю – не несешь ли нож. А там, глядишь, тебе и понравится!

Стражник со шрамом, рассекающим лицо от правого уха до краешка левой губы, был выше Ивы на две головы. Он ухмыльнулся, и изуродованный рот сложился в хищный оскал. Почти как у волка на знамени.

Ива подняла руки и шагнула ближе. Она знала, что стражник не посмеет зайти слишком далеко: за связь с алой жрицей трибунал карал смертью. Не важно, по ее ли согласию случилась близость или ее вырвали силой. Конечно, таким образом хотели оградить вовсе не девушек, а воинов. Говорят, в начале войны многие теряли головы, влюбившись в жриц. Они рисковали жизнью, стараясь спасти их от неминуемой смерти. По слухам, кому-то даже удалось уйти. Тогда командование и отдало приказ: убивать, но не касаться!

Сверху платье прилегало настолько плотно, что нож невозможно было утаить. Не спрятать его было и в глубоком вырезе декольте. Но стражник присел на корточки и тщательно ощупал ноги и бедра. От взгляда Ивы не укрылись жаркие пятна, выступившие на скулах воина, его тяжелое дыхание, когда его пальцы ощутили сквозь тонкую ткань тепло и гладкость девичьей кожи.

– Обнаружил что-нибудь, доблестный воин? – Ива изогнула бровь.

– Закрой свой рот, девка! – рявкнул тот, пытаясь за грубостью скрыть растерянность. Закаленный в боях мужчина, он даже не ожидал, что близость алой жрицы так на него повлияет и что он поведет себя как мальчишка. – Если бы не приказ, мы бы с тобой иначе поговорили! Шагай!

Он взял ее твердой рукой за плечо и толкнул вперед. Другой отодвинул ткань, занавешивающую выход из палатки.

Стражники не нашли кинжала, хотя он был. Они и не могли его обнаружить, потому что кинжалом была сама Ива – ее душа, ее жизненная сила. Сегодня ночью старшие сестры, собрав воедино всю магию, сотворили кинжал – прозрачный, светящийся янтарным светом, почти эфемерный. Однако был он таким же острым и убийственным, как настоящий. Ива могла усилием воли материализовать его в руке и нанести один удар. Всего один! Поэтому выбрать место и время следовало особенно тщательно!

В палатке оказалось темно, и Ива заморгала, пытаясь привыкнуть к слабому освещению. Она ощущала вонь звериных шкур, аромат жареного мяса, а еще острый мускусный запах – так пахнет здоровое сильное мужское тело.

– Ты ведь не надеешься меня убить, девочка? – услышала она низкий голос. Было в нем что-то от затаившегося хищника, самоуверенного, злого, но сытого. Он мог разорвать добычу одним движением, но пока был настроен поиграть.

А секундой позже Ива разглядела префекта. Он сидел за низким походным столом, на котором лежали обглоданные кости и куски хлеба – видно, только что закончил ужинать. Он был обнажен по пояс, и упругие мускулы перекатывались под оливковой кожей. На груди на толстом витом шнурке висел амулет, рубин в золотой оплетке.

Префект был молод, но уже достаточно зрел, чтобы почувствовать любой подвох. Волоски на коже Ивы встали дыбом от ощущения опасности – с этим человеком нужно быть очень, очень осторожной.

– Едва ли я могу задушить вас голыми руками, – с вызовом ответила Ива. – Хотя, кажется, все ваши смелые воины боятся хрупкую девушку!

– Я тебя не боюсь, – спокойно и даже будто лениво произнес префект.

Он сделал едва заметный жест, отправляя стражника за порог, а сам откинулся на стуле, рассматривая гостью. Ива, в свою очередь, разглядывала командира когорты.

Да, она не ошиблась: едва ли командиру больше тридцати. Удивительно, что он в таком возрасте сумел занять столь высокую должность. Это говорило либо о его выдающемся уме и целеустремленности, либо о знатных и богатых родственниках. Но что-то подсказывало Иве, что верно скорее первое.

Префект был гладко выбрит, темные волосы коротко подстрижены. Он мог бы показаться совсем юнцом, если бы не жесткая складка у рта да пристальный взгляд умных серых глаз, в которых скользило что-то хищное, безжалостное.

Самое ужасное, что если бы Ива встретила этого человека где-то в городе – на ярмарке или площади, – если бы он был обычным горожанином и не представлял для нее опасности, он бы понравился ей. Он принадлежал к тому типу мужчин, который она всегда любила. Конечно, только умозрительно: жрицам нельзя вступать в связь с мужчинами. Во всяком случае, до того, как они выберут себе мужа и покинут Алый дом, навсегда лишившись своего дара.

Ива вздрогнула, приходя в себя. Что за мысли! Откуда только лезут в голову! Понравился бы? Какая чушь! Безжалостный убийца! Враг! Ива почувствовала, как ее прожгла ненависть. Она готова была прямо в эту секунду сотворить кинжал и лишь усилием воли заставила себя ждать: время еще не настало!

– Мы поговорим, а потом я убью тебя, – сказал мужчина.

Он встал из-за стола, приблизился вплотную, так что запах мускуса и опасности стал ощущаться еще отчетливее, и, взяв Иву за подбородок, заставил поднять на него глаза.

– Не боишься дотрагиваться до меня? Вдруг я наложу проклятие? – прошипела она сквозь зубы.

– Сказки для невежественных остолопов.

Он широко улыбнулся, а в глубине души Ивы взметнулась темная муть. Если не боится касаться, так, может, и приказ ему нипочем? Что помешает ему прямо здесь и сейчас лишить ее невинности, а вместе с ней и дара, и после убить. Не это ли он имел в виду под словом «поговорить»?

Префект заметил тень страха на ее лице и рассмеялся.

– А вот ты меня боишься, алая крошка. Нет, твоя девственность меня не интересует. И мараться не стоит!

Его губы брезгливо изогнулись.

– Твои чары не действуют на меня, девочка.

Мараться? Ива задохнулась от возмущения. Зато и страх отпустил. Что же, отлично! Значит, ничто не помешает ей привести свой план в исполнение.

Для этого нужен всего один поцелуй.

Глава 3

Култ богини Феникс уходил корнями в глубокое прошлое. Теперь уже никто не мог вспомнить, как именно возникли Алые дома и жрицы, которые, в десятилетнем возрасте ступив на ступени, устланные красным сукном, навсегда отрекались от своей прежней жизни, зато получали новую семью и новых сестер.

Многие семьи хотели отдать дочь в жрицы: ремесло считалось почетным и денежным, а в будущем обещало достойного мужа. К тому же семье девочки всегда выплачивалось вознаграждение. Вот только брали далеко не всех.

Обряд Отбора происходил в день летнего солнцестояния. Соискательницы выстраивались в длинную шеренгу рядом со входом в Алый дом. За их спинами толпились взволнованные родители и жители, которые в этот день стекались со всех концов города: такое зрелище нельзя было упускать.

Ровно в полдень дверь Алого дома отворялась и выходили старшие сестры. Толпа в едином порыве приглушенно вздыхала. Никто и никогда не мог привыкнуть к ослепительной красоте жриц. Даже не столько внешней: казалось, они излучают внутренний свет и несут себя с таким достоинством, что перед ними невольно хотелось склониться.

Конечно, любой горожанин мог повстречать жрицу на ярмарке или в лавке, где она закупала травы или совершенно буднично обсуждала с торговцем цены на ткани. Или же на улице, когда она, переодевшись в обычную одежду, спешила к роженице. Однако образ девы в алом платье нисколько не страдал от этих бытовых моментов. Жрицы будоражили сознание, заставляя даже маленьких мальчиков почтительно замирать, а девочек – мечтать о том, что однажды они тоже попадут в Алый дом.

Обряд продолжался. Все знали, что из десятков девочек первый этап пройдут лишь несколько, а после второго останется одна или две. Случались года, когда в Алый дом не приходило ни одной маленькой сестры.

Старшая жрица медленно шла вдоль ряда, вглядываясь в лица девочек. Толпа затихала, опасаясь прервать ее неосторожным словом. Никто не знал, как жрица делает выбор, знали только, что она никогда не ошибается. Те девочки, на которых она указывала, вырастали в удивительных красавиц, даже если сейчас, в десятилетнем возрасте, казались гадкими утятами. За теми из них, кто не прошел второй этап, потом выстраивалась очередь из женихов.

– Ты, – тихо говорила старшая жрица, едва прикоснувшись к плечу очередной девочки, и та всплескивала руками, после чего на трясущихся от волнения ногах брела к крыльцу. Вот только подняться на него она еще не смела.

В конце концов у крыльца оказывалось несколько девочек. Они переглядывались, переминались с ноги на ногу, облизывали сухие губы. Некоторые тихонько перешептывались, обсуждая, какое испытание жрицы приготовили в этом году.

Испытания не повторялись, общим оставалось только одно – очень немногим удавалось их преодолеть.

Старшая жрица могла попросить соискательниц удержать в руках шар. Тот казался крепким и упругим и послушно лежал на ладонях будущей наставницы, но стоило кому-то из девочек взять его в руки, как тот вытекал сквозь пальцы, точно вода. Или могла произнести несколько слов на незнакомом напевном, похожем на птичий, языке и просила перевести. Девочки качали головами, но иногда находилась одна, которая, будто удивляясь: «Неужели никто этого не слышит?», ясно и четко давала правильный ответ.

В том году, когда маленькая Катерина попала в число избранных, задание казалось особенно сложным. Старшая сестра очертила в воздухе круг, и пространство внутри его словно покрылось рябью, сделалось серым, точно вода в озере в пасмурный день.

– Вы видите это? – спросила она.

Несколько нестройных голосов ответили «да», хотя Катерина по глазам товарок догадалась, что те пытаются обмануть наставницу.

– Хорошо, – улыбнулась жрица. – А теперь протяните руку и достаньте первое, чего коснетесь.

Катерина видела, как девочки одна за другой подходят к старшей жрице и пытаются попасть рукой в круг, но промахиваются – они его просто не замечали. Понимая, что упустили возможность устроиться в Алый дом, они, ссутулившись и роняя слезы, возвращались в толпу, однако наставница, прощаясь, находила ободряющие слова для каждой.

– Теперь ты! – приветливо обратилась она к Катерине. – Не бойся!

Катерина набрала в грудь побольше воздуха и, раздувшись словно мыльный пузырь, побрела к серому непроницаемому оконцу.

– Может быть, выдохнешь? – любезно поинтересовалась старшая жрица. – А то голова закружится.

Но Катерина, чьи раздувшиеся щеки уже покраснели от усердия, только угрюмо покачала головой. А затем она со всего размаха погрузила руку по локоть в мерцающий, идущий рябью портал.

Катерина почувствовала прохладу, словно опустила руку в озерную воду, но рукав платья не промок. Еще она ощутила под пальцами что-то теплое, трепещущее. Она поскорее ухватила это нечто, бережно сжала пальцы, боясь навредить, потому что комочек казался живым, и отпрыгнула от оконца. Едва не упала, но старшая жрица успела подхватить ее под локоть.

Катерина раскрыла ладонь и ахнула. А следом за ней ахнула и разразилась криками толпа. На ее ладони сидела крошечная птичка, чьи мягкие перья переливались всеми цветами радуги. Птичка выглядела испуганной. Впрочем, Катерина и сама была перепугана до смерти. Это что же, получается, она прошла испытание?

– Верни нашу гостью в ее мир, – ласково сказала старшая сестра. – И поднимайся на ступени.

Поднимайся на ступени! Не может быть! Катерина замерла у нижней, покрытой вытертым красным сукном. Сами жрицы поднимались и спускались по этим ступеням каждый день, но простым смертным путь сюда был закрыт. Неужели она, Катерина, достойна сделать этот шаг?

– Иди! – мягко подтолкнула ее наставница. – И вслух назови имя, которое услышишь.

Катерина поднялась на одну ступеньку, на вторую, на третью, обернулась на пороге, вглядываясь в толпу. Она увидела отца, вытирающего слезы. После смерти жены он и не надеялся желать для дочери лучшей участи. Теперь она всегда будет сыта и в тепле, в то время как ему и старшему брату Катерины придется приложить немало усилий, чтобы заработать на хлеб.

«Прощай, папа... Прощай, Эрик... Я люблю вас!» – подумала Катерина.

И в этот момент женский тихий голос прошептал ей на ухо имя: «Ива».

– Ива! – крикнула девочка.

Теперь это было ее новое имя.

* * *

Говорят, что в давние, незапамятные времена культ богини Феникс был довольно жесток. Юные жрицы жили затворницами в Алом доме, являя себя миру лишь в крайнем случае. Зато каждое их появление было праздником для горожан. Это с тех пор сохранилась в языке поговорка: «Можно бесконечно смотреть на три вещи: на то, как горит огонь, на то, как течет вода, и на то, как танцует алая жрица».

Они не только прекрасно танцевали, но и пели так, что даже высохшие вековые старухи вдруг вспоминали свою юность и чувствовали, как их сердца вновь наполняются живительной силой молодости.

С течением времени культ менялся, превратившись в ремесло. Хотя Алые дома по-прежнему были закрыты для простых смертных, девушки теперь гораздо чаще выходили к людям. Они танцевали и пели, писали стихи и могли поддержать беседу на любую тему. Они понимали язык любой страны мгновенно, даже впервые его услышав. А еще готовили лечебные настои и были первыми помощницами, когда на свет появлялся ребенок. «У любви всегда две стороны, – говорили они. – И светлая, дарующая радость. И темная, дарующая боль. Нельзя принимать одну и не принимать другую».

Как и прежде, они жили на пожертвования горожан, которые всегда были более чем щедры. Но отдельно им платили за то, что знатные и богатые горожане могли пригласить алую жрицу на праздник в качестве главного украшения. Никто не смел притронуться к гостье, издавек любуясь ее красотой, слушая ее пение и наслаждаясь мудрой беседой. Иногда торговцы звали девушек в качестве переводчиков, когда нужно было обговорить дела с заезжими из других стран купцами. Но, видно, именно эти приглашения породили слухи о том, что алых жриц можно купить за деньги, как обычных продажных девок.

Культ богини любви Феникс существовал только в Сфоридисе. Уже даже в соседней Тарикии о жрицах ходили самые невероятные слухи. Жрицы продают свою любовь за деньги. Жрицы одним взглядом могут влюбить в себя кого угодно, а одним прикосновением проклясть. Жрицы – ведьмы, которые не боятся огня, ведь они не просто так носят алые платья и поклоняются огненной птице. Ясно было одно: алые жрицы – не обычные девы. А то, что непостижимо, всегда пугает.

До сих пор никто не знал, что послужило причиной лютой ненависти к алым жрицам. А вот из-за чего вспыхнула война, знали все. Правитель Сфоридиса Юрген Бесстрашный поссорился с королем Аланка: якобы сына короля хотели убить во дворце правителя Сфоридиса, и с тех пор он болен неизвестной болезнью.

На самом деле все понимали, что истинная причина заключалась во властолюбии короля Аланка, Роберта Пятого Грозного. Страны, входящие в Конфедерацию, сохраняли свою суверенность только на бумаге. Они давно превратились в вассалов Аланка. До сих пор сопротивлялся лишь Сфоридис. Но, видно, недолго ему осталось – города сдавались один за другим, армия правителя отступала под натиском войск Конфедерации. Скоро падет столица, и прежнему миру настанет конец.

Глава 4

– Как тебя зовут? – вывел Иву из задумчивости голос префекта.

Голос прозвучал сухо, казенно, будто вовсе не имя его интересовало, а что-то другое. Ива подняла голову и увидела, что он смотрит на амулет на своей груди. Казалось, что рубин светится сам.

– Ива, – ответила жрица.

Не было надобности таиться, и для плана лишняя откровенность не повредит. Рубин в амулете полыхнул ярким огнем, Ива невольно отступила на шаг, вдруг догадавшись: это тот самый артефакт, что помогает префекту отслеживать и убивать таких, как она.

– Да. Это ответ на твой невысказанный вопрос. И да, ты не врешь, – сказал мужчина.

Так вот оно что – это была проверка. Амулет не только указывал на алых жриц, но и помогал своему хозяину отличить правду от лжи.

– Откуда он у тебя? – не сдержалась Ива.

И получила в ответ лишь быстрый взгляд прищуренных глаз.

– Вопросы здесь задаю я. Присядь.

Ива огляделась в поисках стула или скамьи, но, похоже, единственным стулом был тот, на котором сидел сам префект.

– Куда?

– На колени, – префект явно забавлялся ее растерянностью.

«Соберись, соберись!» – приказала себе Ива. – Ты не должна смущаться. Ты должна очаровывать!»

Ей, привыкшей к почитанию и уважению, нелегко было осознать, что сейчас она бесправная пленница. Смертница. Ее сбивало с толку то, что префект казался разумным, хоть и не самым приятным, человеком. Но тот факт, что он до сих пор не ударил ее, не заставил раздеться и отвечать на вопросы обнаженной, еще ни о чем не говорил. Он мог сделать это в любой момент. Впрочем, как раз приступил.

План, который они придумали вместе со старшими сестрами, начал рассыпаться на глазах. Префект должен сам захотеть ее поцеловать! Но он ни за что не поцелует жалкую, униженную пленницу.

– Не знаю, будет ли это удобно, – улыбнулась Ива, сделала несколько шагов и, плавно обогнув стол, присела на колени префекту. – Что же, вполне.

Префект сбросил ее с коленей, словно бродячую кошку, и поднялся. Ива немедленно заняла освободившийся стул.

– Что ты творишь? – прошипел грозный командир когорты.

Ива заметила замешательство на его лице и тотчас разглядела в свирепом воине мальчика, каким он когда-то был. Вот только этот мальчик тут же спрятался от ее взгляда за маской ненависти и отвращения. Черты его лица стали жесткими. Он наклонился и поднял что-то с пола. Меч! Ива заохлодела. Они с сестрами знали, что исход дела может стать именно таким.

Знали от Вербены – единственной, кто спасся из разграбленного, сожженного Терна. Израненная, она упала у ворот Куржа, и стражники на руках принесли ее в Алый дом, где она и умерла несколько часов спустя. Вербена рассказала о том, что префектам приказано убивать алых жриц сразу, как только они почувствуют неладное. «Ведь эти твари искусно плетут невидимые сети и так незаметно пробираются в душу, что и сам не поймешь, когда перейдешь к ней в услужение», – по памяти пересказала Вербена то, что услышала от своего убийцы. И все же он так и не сумел нанести ей последний удар...

Первым порывом Ивы было рвануть с места. Бежать, спасая свою жизнь. Вместо этого она посмотрела в глаза своей смерти.

– Я, по крайней мере, могу выбрать, как ты меня убьешь? – спокойно спросила она.

Меч застыл в напрягшихся руках воина. Он готов был разить насмерть, но вопрос застал его врасплох. Префект тряхнул головой, точно отгоняя наваждение. Вид у него был оторопевший – он искал в словах пленницы подвох, но не находил.

– Я сам решу!

– Ладно. Только, если не сложно, сделай это побыстрее! Ты ведь не хочешь, чтобы я корчилась на полу, забрызгала все кровью.

Префект невольно посмотрел под ноги, вероятно, представляя эту картину. В его палатке было довольно уютно, хотя обстановка была аскетичной. Видно, ее хозяин любил порядок и потому, вообразив пятна крови на чистой циновке, поморщился.

Ива поднялась и подошла вплотную к мечу, так что острое лезвие коснулось ее обнаженной шеи.

– Ты перережешь мне горло? Или...

Она осторожно положила ладонь на меч и опустила его ниже – острие уткнулось в грудь, обтянутую алым атласом.

– Или в сердце?

– Сядь! – рявкнул префект, выдергивая лезвие из ее пальцев, так что Ива едва успела их убрать, чтобы не порезаться. – Я убью тебя позже. Не здесь!

В сердцах он вложил меч в ножны и повесил на перевязь, на пояс. Ива едва заметно перевела дыхание: можно было продолжать игру.

Она, будто случайно, наклонила голову, и ее прямые каштановые волосы скользнули по шее, обнажая кожу. Ива знала, что незащищенная шея жертвы будит в хищниках инстинкт убийцы, а обнаженная шея девушки пробуждает в мужчинах совсем другой инстинкт.

Да, такому их тоже учили помимо музыки, танцев, пения и поэзии. Ива вспомнила, как она и Азалия, две восемнадцатилетние девушки, смущались и опускали глаза, слушая старшую сестру, которая должна была впервые приоткрыть перед ними тайну телесной стороны любви.

– Зачем нам это? – прямо спросила тогда Ива. – Мы не имеем права вступать в связь с мужчинами.

Азалия ерзала, молчаливо соглашаясь с Ивой.

Наставница мягко улыбнулась.

– Вы – воплощение женственности, мои дорогие. Вы недостижимый и прекрасный идеал для любого мужчины, и он будет тянуться к вам, как к своей несбыточной и яркой мечте. Вы словно сама любовь, что так неуловима и так необходима всем живущим. Нет ничего плохого в том, что вас будут желать. Представьте, во что бы превратился мир, если бы в нем не осталось женщин. Войны, грязь, жестокость...

– И все вымерли бы! – буркнула Азалия. – Очень быстро!

– Да, – наставница не стала спорить с ученицей. – Но я сейчас не об этом. Любовь к женщине делает мужчин мягче, добрее, лучше, чем их задумала природа. К тому же...

Она подмигнула юным жрицам.

– Когда-нибудь вы выберете себе мужей, и эти знания пригодятся!

И вот теперь Ива вынуждена соблазнить этого мерзавца. Убийцу. Врага. Эту мразь! Он должен ее поцеловать. Иначе весь план рухнет. Проклятие! Проклятие! Проклятие!

Она услышала, как префект шумно вздохнул и обошел ее, встал напротив.

– Сколько вас? – отрывисто спросил он.

– Четыре старших сестры и семь младших.

Рубин вспыхнул, подтверждая ее слова.

– Сколько лет... младшим?

Что-то в голосе prefecta едва заметно дрогнуло. Обычный человек и не почувствовал бы короткой паузы перед последним словом, но Ива ощущала малейшие оттенки эмоций в голосе и мимике. Она взгляделась в лицо убийцы и медленно произнесла:

– Самой младшей – десять.

– Твари, – выплюнул prefect. – Губите невинные души!

Настала очередь Ивы опешить.

– Что?

– Всем известно, что дети, ступившие на порог Алого дома, уже и не дети вовсе. Пустые оболочки. Вы сжираете их души, ведьмы. Не просто так они не могут вспомнить прежних имен.

«Вот тебе и разумный человек!» – подумала Ива, с печалью разглядывая искажившееся лицо фанатика.

– Я помню свое имя, – зачем-то сказала она, хотя и понимала, что с ненавистью фанатиков бесполезно бороться, бесполезно что-либо пытаться доказать. – Прежде меня звали Катерина.

– Врешь!

Рубин полыхнул алым.

– А твой камешек говорит, что нет.

Prefect воззрился на свой амулет так, словно случайно пригрел на груди змею. Одной рукой сжал его в горсти, точно пытаясь защититься от обличающего сияния, а другой выхватил меч.

– О, сколько можно, – устало произнесла Ива.

Ей осталось жить всего несколько минут, так гори все синим пламенем! План, похоже, провалился, но, по крайней мере, не придется целоваться с этим гадом. Зато она ему все выскажет напоследок.

Ива медленно двинулась навстречу к врагу.

– Так вот, значит, как вы успокаиваете свою совесть, когда всаживаете кинжалы в маленьких девочек. Они ведьмы! У них не осталось души! Боюсь тебя огорчить!

Ива отогнула указательным пальцем кончик меча, направленного ей в грудь, и скользнула вперед, ожидая, что в любую секунду ее пронзит резкая боль. Хотя лезвие такое острое, что боли она может и не почувствовать. Она подошла к prefectу так близко, что разглядела во всех подробностях черты его лица – его серые, льдистые глаза, крошечный порез на щеке, оставленный бритвой, обветренные губы, неожиданно четко очерченные – не толстые, как у сластолюбцев, и не тонкие, как у холодных гордецов, а правильной и красивой формы.

– Боюсь тебя огорчить, – повторила Ива, но уже тише. – Они просто маленькие девочки. А мы просто люди. Такие же, как вы.

– Вы... не люди...

Он сглотнул, борясь с собой, силясь поднять руку, ставшую неожиданно слишком тяжелой, и убить алую ведьму. И не мог этого сделать.

Ива положила обе ладони ему на грудь, приподнялась на цыпочках так, что их губы почти соприкоснулись. Она ощутила, как вздымается от дыхания его грудная клетка, чувствовала жар его кожи. А план-то вопреки сомнениям, кажется, вот-вот сработает!

– Как тебя зовут?

«Имя. Я должна знать его имя!»

– Ксандор, – ответил он прежде, чем понял, что приоткрывает алой ведьме лазейку к своей душе. Поперхнулся, словно имя застряло у него в горле, да поздно.

– Ксандор... – прошептала Ива, приподняла маленькую ладонь и погладила своего убийцу по щеке, ожидая ощутить колючую щетину, но кожа была мягкой, видно, prefect побрился только перед ее приходом. – Ксандор...

Она произносила его имя, обволакивая его, увлекаая, маня к себе, словно сама любовь, которой нельзя было отказать. Меч вырвался из руки префекта и неслышно упал на циновки. Ксандор взял Иву за плечи, сжал, чтобы оторвать от себя, отбросить в сторону, а потом, избавившись от наваждения, убить проклятую колдунью. Но вместо этого прижал Иву к груди. Серые глаза заволокло туманной дымкой. Он был опьянен близостью прекрасной девушки, ароматом ее тела, ее нежным голосом, но под присягой поклялся бы, что она околдовала его.

Ива не торопилась, боясь спугнуть добычу, которая сама шла в руки.

Насколько все стало бы проще, если бы она могла прямо сейчас сотворить кинжал. Один удар в сердце – и все кончено. К сожалению, кинжал, сотканный из ее жизненной силы, может сработать только в одном из миров-отражений.

Алые жрицы знают, что таких миров тысячи и лишь жрица может приоткрыть дверь в любой из них. Один поцелуй – и Ива перенесет Ксандора в другой мир и в другое тело.

Ива прежде никогда не пробовала и не знала, как это работает. Они с сестрами всю ночь напролет изучали древние свитки, но удалось узнать немного: переместятся их души, причем мужская всегда оказывается в теле мужчины, а женская – в теле женщины. Их пустые оболочки погрузятся в беспробудный сон, ожидая возвращения жизненной энергии, но если кто-то из них умрет в другом мире, то погибнет и оставленное тело. Переход срабатывает во время поцелуя, потому что в этот момент происходит наибольший выброс силы, сплетенной из мужского и женского начал.

Именно это Ива и задумала. Они переместятся. Ива сотворит кинжал и, пользуясь замешательством врага, проткнет его сердце. Префект умрет, энергетическая связь разорвется, и Иву выкинет назад в тело. Возможно, получится незаметно выбраться из палатки и сбежать. Все просто.

Ксандор, больше не в силах противиться влечению, коснулся губ Ивы. Застонал, остатками разума понимая, что нарушает приказ, что все-таки попался в сети ведьмы, увяз, как муха в паутине. Но губы алой ведьмы нежны и свежи, как бутон цветка, и пахнет она весной, так же, как пахнут молодые листочки на гибких ветвях, что летят по ветру... Ива... Ива...

«Сейчас я убью тебя, Ксандор!» – торжествовала Ива, едва удерживаясь от того, чтобы не вцепиться зубами в губу врага.

А потом вытянула из мерзавца душу.

Глава 5

Иве показалось, что она рухнула в непроницаемо-черный омут. Воронка втянула ее, закружила, выбила из легких воздух. Ива не могла вдохнуть, не могла пошевелить руками. У нее, кажется, и рук-то не было. Она уже успела испугаться, решив, что где-то допустила ошибку, но тут поняла, что стоит на ногах. Где-то... Где? Тьма посерела, но не рассеялась окончательно. Ива ничего не могла разглядеть.

«Получилось? Или нет? – была первая мысль. – Сначала кинжал! Потом разберемся!»

У нее, как и у Ксандора, было всего несколько секунд, чтобы прийти в себя и начать действовать. Ива протянула руку и призвала всю свою жизненную силу. Сначала ощутила покалывание в пальцах, как бывает, если отсидишь руку, потом почувствовала гладкую прохладную рукоять, а после этого увидела, как из ладони выросло светящееся узкое лезвие. На сотворение кинжала ушло несколько мгновений. Но где же Ксандор?

Ива подняла над головой кинжал, что сиял тусклым светом: в этом свечении можно было хоть что-то разглядеть. Она находилась в телеге, где в беспорядке были накинаны тюки и мешки. Телега стояла посреди леса на узкой проселочной дороге, по обочинам которой темной массой бугрились кусты, покрытые бурой осенней листвой.

Напротив Ивы, упершись ногами в доски, стоял мальчишка лет пяти с вилами наперевес. Вихрастый, щуплый, в застиранной холщовой рубашонке, едва прикрывающей чумазные колени. А где же?.. Ива, не обращая ни малейшего внимания ни на мальчишку, ни на вилы, что ходили ходуном в дрожащих от усердия руках, наклонилась и заглянула за бортик телеги. Не увидела ничего интересного, разве что бабки лошади, измазанные в дорожной грязи.

– Ксандор! Проклятье! – выругалась она вслух. – Сбежал, гад! Когда успел!

В этот момент мальчишка издал тоненький возглас и, судя по всему, вознамерился насадить Иву на вилы, вот только силы у него пока было маловато, так что зубья лишь оцарапали спину.

– Ах ты! – в сердцах воскликнула Ива. Хотела было добавить словцо покрепче, но сдержалась: мальчишка, верно, напугался, увидев, как сверкнуло лезвие.

Ничего не поделать – придется отложить расплату на потом, а сейчас отправляться на поиски мерзавца. Интересно, в чье тело она вселилась?

Ива примирительно подняла руки, в которых больше не было кинжала.

– Малыш, не бойся. Я твоя мама?

Мальчишка, вцепившийся в вилы, как в спасательный круг, медленно покачал ушастью головой.

– Ты – плоклятая алая ведьма! И я тебя убью!

Звук «р» он выговаривал пока плохо, и оттого угроза прозвучала совсем не так сурово, как он надеялся. Мальчишка услышал, как звучит его голос, и Ива увидела, как округлились его глаза: кажется, вот-вот грохнется без чувств. Да Ива и сама была близка к обмороку.

– Ксандор? Что за!.. – приличные слова закончились, а неприличные Ива не решилась произносить при ребенке.

При ребенке? О, милостивая богиня! В тело мужчины, значит! Ну да, ну да, не девочка же! А вилы-то как свирепо держит!

– Отдай! – устало сказала Ива.

Без труда выдернула вилы из рук мальчугана и выкинула за борт телеги.

Мальчишка кинулся на нее с кулаками, но она приподняла его за шиворот, как котенка, и встряхнула. Он пыхтел, выкручивался, норовил извернуться и укусить руку, что держала его. Ткань рубашки трещала, но не рвалась.

«Это не мальчик! – сказала себе Ива. – Настоящему мальчику мой кинжал не причинит вреда. Я убью врага. Я спасу сестер!»

Ива закусила губу и сотворила кинжал. Мальчишка, понимая, что ему не уйти, обвис в руках и, не отводя взгляда, смотрел на сияющее лезвие.

– Поставь на ноги, – сказал он. – Умлу с достоинством.

«Проклятье! – подумала Ива. – Проклятье тысячу раз!»

Она опустила Ксандора на дно телеги. Интересно все же, чьи тела они заняли? Может быть, матери с сыном? Те, припозднившись, возвращались в деревню. Наверное, где-то за лесом находится их дом, где ждет в печи котелок с вареной картошкой. Крынка с прохладным молоком накрыта тряпицей, а рядом с ней вертится, трется бочком серая кошка – ждет, пока хозяйка вернется домой и напоит ее.

Наверное, перед их появлением в этом мире мальчишка спал в телеге, положив голову на мешок: притомился в дороге. А мать правила лошадью и все оглядывалась с любовью на свое неугомонное чадушко. Притормозила, чтобы шалью укрыть. Вон, кстати, она и валяется, скомканная, у борта телеги.

Кинжал, вспыхнув, впитался в ладонь. Ива опустилась на корточки рядом с мальчиком и посмотрела в его глаза.

– Знаешь, что происходит?

Тот медленно кивнул.

– Ты меня плокляла, ведьма!

– Ну... почти!

Ситуация была патовая. Ива не могла убить ребенка, будь он хоть трижды Ксандор. А он не мог убить Иву, хотя и очень хотел: девушка видела, как паршивец косится на вилы. Хочешь не хочешь, а придется заключить хрупкое перемирие до тех пор, пока они снова не переместятся. Вот только следующий прыжок удастся совершить не раньше, чем через несколько часов: Ива должна восполнить резерв жизненной силы. Это она тоже узнала из свитков – если перестараться и отдать жизненной силы больше, чем положено, можно и не выплыть уже, навсегда раствориться во тьме.

Она рассказала Ксандору о том, что происходит.

– Если я тебя убью? – спросил воин устами ребенка, и Ива вздрогнула: так жутко это смотрелось.

– Если убьешь, то навсегда застрянешь в этом теле. Только я могу вернуть тебя в наш мир. Но я не верну. В следующий раз, когда мы переместимся, я убью тебя. Должна убить.

– Я окажусь быстрее!

– Посмотрим, – устало произнесла Ива и невольно улыбнулась краешками губ. – Сейчас, как вижу, ты явно не в форме.

Они разошлись в стороны. Ива присела на облучок телеги, мальчишка оседлал один из тюков. Оба с недоверием поглядывали друг на друга.

– И что, плидется тебя целовать? – с отвращением уточнил Ксандор.

Видеть гримасу брезгливости на детском лице было забавно, и Ива не выдержала, фыркнула.

– Чисто символически. Труднее всего совершить первый переход... Судя по записям, что мы нашли. Прежде я не делала такого...

Ива заставила себя замолчать, удивившись тому, что разоткровенничалась. Наверное, сказывалось волнение. Замолчала, и тут же со всех сторон навалилась ночная тишина. Из лесной чащи доносились потрескивание и скрипы ветвей, похожие на стоны. Казалось, что совсем близко кто-то ходит, раздвигая кусты. Иве сделалось неуютно. У нее из оружия лишь вилы да кинжал, но тот и вовсе во внимание можно не принимать.

– Куда они ехали? – спросила она саму себя. Не задумываясь, произнесла вслух.

Будто в ответ на ее вопрос где-то совсем неподалеку разливисто завыл волк, а потом резко смолк.

Ксандор, ни слова не говоря, развязал горловину одного из мешков, заглянул, засунул руку и вытянул скомканную женскую сорочку. Придирчиво ее рассмотрел и бросил под ноги.

– Вещи. Пелеезжают, – сказал он кратко.

– Ночью? Одни? Что за спешка?

Ксандор не счел нужным ответить на эти вопросы. Восседал на мешке, сложив руки на груди, точно полководец, готовый отдавать приказы.

«Впрочем, о чем это я. Он и есть полководец, готовый отдавать приказы», – мысленно хмыкнула Ива.

Так или иначе, сидеть в телеге посреди глухого леса еще несколько часов не имело никакого смысла. Поэтому Ива отвернулась, взяла в руки поводья и хворостину, заменяющую хлыст, и задумалась. Лошадьми она еще ни разу не правила, только в книгах читала о том, как это нужно делать, и, откровенно говоря, немного побаивалась этих сильных и умных животных. Она встряхнула поводьями и, как ей показалось, бодро крикнула:

– Шагай!

Чалая лошадка, меланхолично объедавшая жухлые пучки травы по краю дороги, удивленно покосилась на возницу, переступила с ноги на ногу, но с места не двинулась.

– Но!

Она подняла хворостину, но в решительный момент пожалела лошадиную спину.

– Подвинься! – скомандовал детский голос.

Ксандор пихнул Иву в бок, бесцеремонно выдрал из ее рук поводья и прут.

– Лошади как люди. Стоит дать слабину – тут же сядут на шею. Пошла!

И действительно, лошадь с большей охотой послушалась мальчишеского приказа. Ксандор правил умело, словно не в первый раз делал это. Хотя, вероятно, так оно и было. Ива покосилась на детское лицо со сведенными к переносице хмурыми бровями. Он ощутил взгляд.

– Толжес... Хм... Ликуешь, ведьма?

«Да! – хотела сказать Ива. – Каково чувствовать себя таким слабым и бесправным?»

Но не успела произнести и слова, как ее прервали. Позади послышался шум: цокот копыт, грохот колес по выбоинам дороги, приглушенные голоса.

Ива оглянулась и увидела цепочку тусклых огней – их догоняла вереница телег. Разъехаться на узкой тропе было невозможно, оставалось только ждать и надеяться, что это не разбойники вышли на ночной промысел. Впрочем, для разбойников их было слишком много. К тому же немного погодя Ива различила женские голоса и детский плач. Просто люди, которые, как и они, по неведомой причине куда-то так сильно торопятся, что даже ночная пора им не помеха.

Головная телега догнала неторопливую подводу, которой правил Ксандор. Рыжебородый мужичок посмотрел неприветливо, но без злости. За его спиной Ива разглядела жмущихся друг к другу ребятишек и пожилую женщину.

– Василинка, ты што здесь? – буркнул он. – Все движение встало из-за тебя. Поторапливайся. Ты ведь первая уехала! Как Филя телегу загрузил да вытолкал за ворота.

«Филя, – отметила про себя Ива. – Кто это?»

– И где он?

Мужчина помрачнел еще больше, взглянул на мальчишку, досадливо крякнул.

– Закрой уши, Михай.

Ксандор, что с прищуром рассматривал собеседника, отрицательно покачал головой. Мужик махнул ручищей.

– Ну что же. Все равно узнает. Нет больше у тебя мужа, Василинка. А у тебя батьки. И до моей Груни жрецы добрались.

– Кто? – опешила Ива.

– Ну так жрецы. Жрут все, что на глаза попадетсЯ, за то и прозвали. – Он внимательно взгляделся в лицо «Василинки». – Или ты, девка, с перепугу забыла все?

– Забыла... – медленно произнесла Ива.

«О богиня! Что здесь творится?»

С задних подвод, не дождавшись продолжения движения, начали покрикивать, требуя съехать на обочину и там точить лясы сколько душе угодно.

– Так, Михай, ты правь. Мне с мамкой твоей поболтать надо.

Мужчина передал поводья мальчику-подростку, видно, сыну, а сам перебрался в телегу к «Василинке».

– Очнулась в телеге, ничего не помню, – прошептала Ива, увидев краем глаза, как ухмыльнулся Ксандор, однако ничего не сказал, только хворостинной взмахнул.

Мужик задумчиво почесал бороду.

– Ну так... Это... Никто не знает, откуда свалилась эта напасть на наши головы! А я как чувствовал, что быть беде! Уж больно осень теплая выдалась. Урожай знатный собрали. Ну не может быть все так хорошо. И вот третьего дня как прибежал к нам малый со стороны Каменной Горки. Беда, говорит, беда! Идет туча саранчи. Я думаю, ну саранча-то нам уже не страшна, как раз успели пшеницу убрать. А он говорит: нет, только на вид саранча, если по отдельности смотреть. Малая насекомая, прихлопнешь башмаком – мокрое место останется! Но они по отдельности не ходят ведь, только все вместе! А как налетит туча, так все разом съедает! Корову ли, овцу, человека – ей без разницы. Малый рассказывает, а сам трясется весь. А я кумекаю: где та Каменная Горка, до нее неделю на подводе ехать. Может, и схлынет эта напасть, до нас не доберется!

Ива слушала, не перебивала, замечала, как Ксандор кидает быстрые взгляды на рассказчика, но тоже молчит.

– Добралась! Издалека смотрел – решил, что туча грозовая небо закрыла! И гул такой, будто гром! А потом словно град начался. Хлоп по крыше. Хлоп, хлоп! Я выглянул, чуть богу душу не отдал. Не град вовсе, а те самые жрецы на землю сыпались и бежать сразу во все стороны! А тут моя Жучка на свою беду из конуры вылезла – они к ней. Она одного зубами перекусила, другого, но их уже набежало со всех сторон, как муравьев. Только и взвизгнула моя Жученька разок. Я потом издалека ее косточки видел... Мы все по домам попрятались и сидим. Неужели не помнишь, девонька?

– Память у нее отшибло! – высказался вместо Ивы Ксандор. – Так-то она давно на голову ушибленная. Как схватит иногда нож, как гоняет нас с папкой по дому!

Он притворно вздохнул. Мужик с ужасом воззрился на хрупкую «Василинку», а та в ответ улыбнулась, как блаженная. Что ей оставалось делать? Незаметно ущипнула мерзавца Ксандора за тощую ляжку, тот мстительно лягнулся.

– Мы попрятались, – медленно повторил мужик, с опаской поглядывая на соседку, но потом снова вошел в раж, торопясь досказать историю. – Щели тряпками затыкали. А жрецы так и сыпались с неба, как горох. По стеклам ползали, по стенам – лазейки искали. В чей дом проникли, те уже живыми не вышли. И к нам ползли – по одному, по два. Мы их давили-давили. Весь день давили. А как вечер наступил, эти твари сонные стали, еле ползают. Ну мы и подумали: если бежать, то только сейчас. За ночь до Ломова доедем, глядишь, туча туда не придет. А если придет...

Он замолчал, сделался хмур и долго ничего не говорил.

– Если придет, может, успеем еще что-то придумать... Вот мы покидали на подводы, что под руку подвернулось. Твари-то, хоть сонные, иногда спохватывались и... Филя твой хотел сразу телегу догнать, только решил дом закрыть. Кому он нужен теперь, дом-то...

Иве вдруг стало так жаль неведомого ей Фильку, всех этих несчастных людей, потерявших свои дома и своих близких, что слезы сами потекли по лицу.

– Ничего. Ничего, девка, прорвемся! – буркнул мужик, но Ива чувствовала, что за грубостью он старается скрыть отчаяние.

Ксандор несколько раз быстро обернулся, разглядывая лицо Ивы. Будто слез никогда не видел! Она отвернулась.

– Кто главный в этом Ломове? – услышала она детский голос. – Мне с ним нужно погово... Побеседовать!

Глава 6

У входа в Ломов возник затор из подвод: ворота, хоть и стояли нараспашку, не справлялись с лавиной беженцев. Женщины плакали, дети сидели притихшие, мужчины пытались ругаться со стражниками, но те, хмурые, усталые, и так старались разгрузить поток и не могли сделать большего.

Кто-то пытался перекидывать вещи через городскую стену, сооруженную из заостренных бревен, но тюки застревали на кольях, не долетев до земли.

– Как много людей, – прошептала Ива.

– Видно, на другие села тоже перекинулась эта напасть, – нахмурился рыжебородый мужчина и соскочил с телеги. – Ну, бывай, девка. Может, еще свидимся.

Можно было не надеяться найти место на ночлег в каком-то из домов. Единственный трактир оказался забит под завязку, комнаты, что сдавались на постой, тоже давно заняли. Люди сгоняли подводы на площадь перед городской ратушей и устраивались спать под открытым небом.

Хотя места на площади тоже почти не осталось, Ксандору удалось втиснуть телегу между двумя подводами.

– Вот ушлый малец! – восхитился парень, увидевший его маневр, и подмигнул Иве. – Далеко пойдет твой сынок.

Ива и Ксандор одновременно скривились, оставив комплимент без ответа. Ксандор встал на облучок, вытянул шею, разглядывая живое людское море, что затопило площадь.

– Я должен попасть в латушу!

Услышав свой тонкий детский голос, префект застонал от бессилия.

– Кто станет слушать дитя!

Ива поднялась, встала рядом, глядя в сторону двухэтажного здания управы. Его двери были плотно закрыты, их подпирали стражники, из последних сил сдерживая толпу. Люди, движимые отчаянием, хотели видеть главу города, но тому нечем было ободрить несчастных.

– Зачем тебе в ратушу? – прямо спросила Ива. – Разве ты можешь чем-то помочь?

Ксандор покосился на нее с недоверием. Ива уже не в первый раз замечала эти странные взгляды. Префект смотрел так, словно с ним вдруг заговорила ожившая кукла. Любая ее эмоция вызывала его живое удивление: Ксандору нелегко было контролировать детское лицо, и все чувства моментально проступали на нем.

– Да что такое! – взорвалась Ива. – Это простой вопрос! Можешь помочь или нет? А если можешь... Неужели захочешь?

– Могу. Попытаюсь.

– Так. Тогда пошли!

Ива прыгнула на землю, застыла, закусив губу, глубоко задумавшись над чем-то. Ксандор не торопился следом.

– Как мы минуем... – Он пару мгновений колебался, подыскивая слово, которое не выдавало бы его картавости, но махнул рукой. – Стлажу?

– Как я выгляжу? – спросила Ива вместо ответа.

В ее словах не было ни капли женского кокетства, и Ксандор, готовый было презрительно процедить сквозь зубы: «Ведьма – она ведьма и есть», на этот раз сдержался. Он не понял, что задумала Ива, но догадался, что ею движет вовсе не праздный интерес.

– Молодая, не больше двадцати пяти лет, – сухо принялся описывать он внешность Василинки. – Лицо... Миловидное, но обычное. Веснушки. Волосы лусые. Тьфу, плопасть!

– В общем, так себе! – констатировала Ива, сдерживая с головы косынку. – Придется работать с тем, что есть.

– Да что ты...

– Тихо, иди за мной!

Она протянула руку мальчишке, да так и замерла. И он замер, едва не вложив пальцы в ее ладонь. Отдернул, точно обжегся.

«Что мы делаем? – хотела спросить Ива. – Мы, два врага. Действительно собираемся спасать всех этих людей? Вместе, бок о бок?»

Ксандор, видно, подумал о том же.

– Я не воюю с ними, – сказал он. – Я могу помочь. Не вижу повода отказать.

– А если бы воевал? Если бы у тебя был приказ убить всех этих людей? – тихо спросила она. – Убил бы?

– Да, – коротко ответил Ксандор.

– Убийца!

– Ведьма!

Ива, стоя на земле у телеги, как раз сравнялась по росту с мальчишкой, сидевшим на облучке. Их взгляды встретились и буровили друг друга. Ксандор, вероятно, в этот момент сожалел, что не умеет убивать взглядом.

– Ты иная сейчас. Но я все так же вижу в тебе – тебя, ведьма.

Малыш внешне не был похож на того черноволосого воина, но то, как он хмурил брови, то, как холодно смотрел на Иву, то, как складывал руки на груди, – все выдавало в нем жестокого префекта.

– А я в тебе – тебя, – подтвердила Ива. – Но оставим попытки убить друг друга до тех пор, пока не переместимся снова. Согласен?

– Я с ведьмами соглашений не заключаю, – ответил Ксандор.

Спрыгнул и, петляя между телег, заскользил в сторону ратуши.

– Да-а-а, женщина, – протянул чей-то сочувственный голос. – Пороть его некому! Родную мать ведьмой обозвать!

Ива обернулась и увидела парня, еще недавно восхитившегося ловкостью «мальца». Ей как раз хотелось потренироваться на ком-то, прежде чем выйти к страже.

Девушка улыбнулась открыто и мило, чуть наклонив голову, так что редкая челка обычного русого цвета засеребрилась в первых рассветных лучах. И тут же, будто засмутившись, она оправила платочек на шее так застенчиво-женственно, что молодого мужчину охватили неизвестные ему до этой поры чувства. Ему хотелось защитить девушку, сделаться для нее надежным тылом, стать отцом ее ребенку. И как он сразу не разглядел, какая она нежная да хрупкая?

– А-а... – протянул он, растеряв слова. – Как зовут тебя, лапушка?

Вот только имени он не дождался, а лапушка удовлетворенно кивнула каким-то своим мыслям и юркнула в гущу людей.

Ксандора застигла уже на ступенях ратуши. Паршивец выжидал момент, когда двери откроются, чтобы протиснуться внутрь, но его, тщедушного и маленького, то и дело отпихивали, отбрасывали назад, а один из стражников, раздосадованный глупостью селян, – уж сто раз им объяснил, что глава не принимает, а они, тати, все лезут и лезут! – в конце концов подхватил мальчика под мышки и хотел ласточкой отправить в полет.

– Как ты достал меня, клоп! Что ты вертишься здесь!

– Подождите! – крикнула Ива в тот момент, когда Ксандор завис вверх ногами между небом и землей.

Свирепый взгляд мгновенно выхватил из толпы ту, что посмела заступиться за настырного малька, и тут же невольно смягчился.

– Сынок твой? – спросил стражник, пытаясь поставить мальчишку на ступени маковкой вниз.

Ива – тонкая, гибкая – плавно двинулась вперед. Отчего-то стражник не замечал некрасивых рябинок на ее простоватом лице, не видел спутанных волос и грубой одежды, он видел лишь сияние, которое она, казалось, излучала.

– Сынок, – согласилась Ива.

Ухватила одной рукой Ксандора за шиворот, крепко – не удерет. Ладонь другой положила на предплечье стражника.

– Разреши нам пройти.

– Но... Не велено...

– Глава тебе благодарен будет! Этот мальчик...

«Кто станет слушать дитя!» – вспомнила она раздосадованную реплику Ксандора.

– Мой муж знал способ защититься от напасти. Он погиб, но перед смертью успел все рассказать сыну. Ты ведь все хорошо запомнил, сынок?

Ксандор, взъерошенный, но не потерявший остатков достоинства, сумрачно кивнул.

Мужчина колебался, но Ива улыбнулась ему – ему одному, так, как никто ему давно уже не улыбался, и стражник шумно выдохнул.

– Ладно. Идем! Выстоишь тут один? – бросил напарнику.

Тот давно прислушивался к разговору и кивнул в ответ.

Пока их вели по длинному темному коридору, Ива не могла перекинуться с Ксандором и парой слов. Оставалось надеяться, что он подыграет ей.

Глава – пожилой, но еще сильный мужчина – не ложился спать этой ночью. Напрасно несчастные, толпившиеся у ратуши, думали, что он бросил их на произвол судьбы.

Ива кинула быстрый взгляд на людей, сидевших вокруг стола, заваленного обрывками бумаги, свитками и книгами. Видно, что совещались не первый час, но решения так и не нашли. В тот момент, когда они с Ксандором переступили порог комнаты, беседа велась на повышенных тонах. Все устали, выбились из сил и почти потеряли надежду.

– Кто позволил? – гаркнул глава, заметив женщину с ребенком. – Выдай ей хлеба и найди место для ночлега.

Стражник развел руками: извини, мол, хорошая, сама видишь, не до тебя сейчас!

– Дурманник! – крикнул вдруг Ксандор, да так рьяно, что у него даже звук «р» прорезался. – Зверобой! Полынь! А главное – серебряник душистый.

– Что? – опешил глава.

Ксандор не дал ему опомниться.

– Следует сложить костры по пели... пер-риметру гор-рода! Жечь траву! От обычной саранчи помогает, должна и от тварей защитить.

Он говорил уверенно, но детский голос все равно оставался слишком тихим, слишком тонким. На лицах слушателей появилось недоверие. Она и сама не верила, что дым от сгорающих трав спасет от напасти, но потом вспомнила о том, что армия Конфедерации завоевала Сфоридис за считанные недели. Не потому ли, что ее командиры четко знали, что делают?

Она вышла вперед, встала рядом с префектом, не удержалась от шпильки:

– Поздравляю, птенчик, у тебя прорезался голос.

А после произнесла громко, для всех:

– Мой муж научил его. Разрешите, он вам все начертит!

– Пусть мальчонка начертит, – согласился молодой мужчина, отыскивая среди бумаг относительно чистый лист и пододвигая к краю стола чернильницу. – Хуже не будет.

Детские пальцы держали перо неуверенно, так что префекту пришлось закусить губу от усердия. Но, несмотря ни на что, схема расположения костров с учетом направления ветра и особенностей ландшафта вышла убедительной. Изначальная снисходительность сменилась пристальным вниманием.

– Папка, говоришь, тебя научил? – пробормотал глава. – Жаль, погиб. Я бы его в совет взял. Так какая, говоришь, трава нужна?

Ксандор вновь перечислил названия.

– В эту пору легко их найти. Только пусть все, кто на ногах стоит, сейчас же выходят собир-рать. Неизвестно, сколько у нас вр-емени.

– Да, стоит поторопиться!

Кажется, главу уже нисколько не смущало то, что приказы ему отдает ребенок.

Впрочем, Иву это тоже не удивляло. Как она оставалась алой жрицей даже в этом теле, так и командующий когорты – человек умный, дальновидный и привыкший просчитывать каждый шаг – не перестал быть собой.

– Я тебя быстро убью, – тихо сказала она, присаживаясь на лавку рядом с мальчишкой.

– А вот я не обещаю, что твоя смерть будет быстрой, – так же тихо ответил он.

Глава 7

Ничто не придает столько сил, как внезапно обретенная надежда в тот момент, когда казалось, что гибель неизбежна.

Когда глава объявил отчаявшимся людям о том, что просто так город сдаваться не намерен, его речь встретили ликующими криками. На сбор трав вышли все – от малышей, едва научившихся ходить, до стариков. Женщинам было поручено следить за тем, чтобы травы для костра были отобраны правильно, мужчины в это время рубили деревья и складывали поленницы из дров, чтобы в нужный момент их поджечь. Работа кипела, каждый оказался при деле. Даже во время страды люди прилагали меньше усилий: сейчас они боролись за свою жизнь.

У поленниц постепенно вырастали горки травы, напоминающие маленькие стога. Ксандор вместе с главой города и Ивой несколько раз обошли все точки. Мальчишка брал в руки повядшие стебельки, растирал в пальцах, нюхал, удовлетворенно кивал. Казалось, он единственный, кто ежеминутно не косится на небо. Появления напасти ожидали с запада, в той стороне остались разоренные деревни. У некоторых сдавали нервы: завидев в небе облачко, время от времени кто-нибудь вскрикивал. Ива заметила, что она сама вздрагивает, когда тучи набегают на солнце. Только Ксандор сохранял невозмутимость.

– Делай, что должно, и будь, что будет, – ответил он на вопрос главы, когда тот пошутил, обратившись к Иве, не в кузнице ли они с мужем выковали себе мальчика с такими железными нервами. – Если я буду нервничать, это ничего не изменит, но делу может повредить.

Когда солнце стояло в небе уже высоко, Ксандор в последний раз осмотрел рубежи и, кажется, остался доволен.

– Теперь приготовим горючую смесь, – сказал он, чем поставил в тупик главу и молодого члена совета, который присоединился к осмотру. – Дым усыпит их, но едва ли надолго. Придется жечь.

– Почему ты раньше не сказал?! – в один голос завопили мужчины и примкнувшая к их возмущению Ива.

На что мальчишка хладнокровно пожал плечами.

– Проблемы надо решать по мере поступления.

– О боги, девка, где ты достала этого философа доморощенного? Где видано, чтобы дитя так разговаривало? Может, он подменыш какой?

– Может! – легко согласилась Ива. – На самом деле это безжалостный тиран, сатрап, деспот и самодур.

Всем показалось, что шутка вышла отличной и разрядила обстановку. Глава хохотал так, что из глаз брызнули слезы.

– Ох, насмешила, девка. Ну, про своих мальцов все мамки так говорят. Деспот, мол, и самодур!

Ксандор тоже смеялся, но потом, когда никто не видел, обернулся на Иву, и улыбка сползла с его лица, как маска.

Работы продолжались даже ночью. От горючей смеси пришлось отказаться: в Ломове не нашлось серы, а про каменное масло глава так и вовсе не слышал. Посоветовавшись, решили, что растительное масло тоже отлично горит. Бочки с ним выкатили и поставили на безопасном расстоянии от поленниц. Градоправитель то и дело хватался за голову, приговаривая, что пожара не миновать. На что Ксандор сдержанно заметил, что пожар в данном случае меньшее из двух зол.

– А если поставить людей, которые будут поливать водой городскую стену, то и пожара можно избежать, – добавила Ива.

– Тоже муж тебе подсказал? – в голосе главы угадывалось уважение. – Ну умен он был у вас! Его бы в мою управу!

Ночь прошла относительно спокойно: нападения тварей в это время можно было не опасаться. Люди укладывались спать на подводах, на сухой земле, укрывшись кафтанами и платками, на плоских крышах домов.

Иву с Ксандором устроили на ночлег в ратуше – на скамьях, где обычно посетители ожидали приема. Взрослая дочь главы принесла ужин: вареную картошку, еще теплую, домашний сыр, краюху хлеба, пироги с повидлом и кувшин молока.

Ксандор потянулся было к краюхе – за весь день они лишь раз подзакусили на бегу сухарями да холодным мясом – но вдруг сузил глаза и отодвинулся.

– Я не голоден, – бросил он.

– Перестань! – Ива так устала, что почти не чувствовала злости на врага. – Ты весь день на ногах. И неизвестно, что предстоит завтра.

Сама она уже отломил кусок хлеба, сыра и приступила к трапезе. Вдруг закашлялась, догадавшись.

– Ты не можешь разделить со мной еду! Нельзя есть с теми, кого собираешься убить. Так?

– Так.

Надо отдать должное Ксандору, в ответ на любой вопрос он не юлил, а говорил прямо.

– Ну и оставайся голодным! – вспылила Ива. – Я вот отлично поужинала бы рядом с тобой, а потом бы прикончила, не испытывая ни малейших угрызений совести!

Ксандор, застрявший в теле ребенка, напоминал ей сейчас взъерошенного воробья. В волосах запутались сухие веточки и солома, рубашка кое-где порвалась и окончательно измазалась в грязи. Голые ноги были покрыты пылью.

– Вот.

Она поделила еду на две части, забрала свою и ушла на другую скамейку.

– Ешь спокойно! У тебя не будет шансов меня убить! – крикнула она почти весело.

«Скорее бы это все закончилось! О богиня, сделай так, чтобы в следующем мире он стал тем, на кого у меня поднимется рука!»

Неизвестно, о чем думал Ксандор, но он молча надкусил картофелину.

* * *

Утром Ива проснулась от истошного вопля.

– Зажигай! Зажигай, братцы!

Они с Ксандором, не сговариваясь, вскочили на ноги и бросились вон из ратуши. И тут же увязли в толпе: люди в ужасе стремились под укрытие стен. Ива лишь раз взглянула в узкий прямоугольник приоткрытой двери и немедленно тоже захотела спрятаться, закрыть лицо руками и не видеть, не слышать... В воздухе стоял такой гул, будто начиналась гроза. И небо, только-только вызолоченное рассветными лучами, потемнело, укрытое тучей. Но туча эта несла не дождь, не град. Ива каким-то шестым чувством сразу поняла, что на город с запада надвигается та самая напасть.

«Мы можем переместиться в любой момент!» – уговаривала она себя. Теперь у нее хватит на это сил.

А Ксандор меж тем уже протиснулся сквозь человеческий водоворот, крутивший Иву на месте. Она лишь увидела, как его белобрысая макушка движется в сторону ворот.

Кое-как выбравшись, бросилась следом. Туча была еще далеко, и мужчины, несмотря на ужас, отразившийся на лицах, действовали слаженно и четко – Ива лишь сейчас заметила, что под защиту стен бросились женщины и ребятишки.

Потянуло дымком. Еще слабо: костры едва разгорелись. Но когда Ива выбежала за ворота, поленницы уже пылали вовсю. Около каждой застыл человек, сжимающий в руках охапку травы. Они оглядывались, точно ждали приказа. Посмотрела и Ива. На сколоченном наспех постаменте стоял глава, рядом с ним Ксандор.

– Ждать! – крикнул он одному из защитников: у того сдали нервы, и первый пучок травы отправился в огонь. В небо тут же взвилась густая струя дыма. – Ждать!

Остальные послушались.

А туча приближалась. Стоял такой гул, что закладывало уши: тысячи жестких крыльев заставляли вибрировать сам воздух. Казалось, что твари вплотную подступили к городу – вот-вот минуют стену, и тогда их уже ничто не остановит. Но Ксандор молчал. Стоял прямо, сложив руки на груди.

«Точно железный! – подумала Ива. – Железный, безжалостный, бесчувственный...»

– Сейчас! – крикнул он вдруг.

И десятки рук принялись закидывать костры травой, которая чадила и тлела. В небо устремились серые столбы дыма, воздух наполнился смрадом. У Ивы закружилась голова, глаза слезились. Дым постепенно стал таким густым, что за его плотной завесой она перестала различать людей.

«Получилось? Или нет?»

Люди кричали, вопили – ничего не разобрать.

Хлоп! Что-то упало Иве на плечо. Она с отвращением смахнула тяжелую каплю. Вот только это была не капля! На землю у ее ног упало насекомое, отдаленно напоминающее кузнечика, но с куда более мощными челюстями. Ива вскрикнула, отшатнулась, но тварь не пыталась напасть, она вяло ворочалась в пыли – сонная, едва живая.

– Жечь пакость! – закричал над самым ухом чей-то голос – его обладателя скрывал густой дым. – Выкатывайте бочки!

По земле алыми язычками потянулась огненная поземка. Твари, попавшие в пламя, трескались, как каштаны. Ива отступила на шаг, еще на шаг, прижалась к стене. Она не знала, куда идти дальше, дым ел глаза.

Маленькая рука сжала запястье. Мальчишка вырос перед ней совершенно неожиданно.

– Ксандор?

– Пора уходить.

– А... они?

– Теперь у них все будет хорошо, они знают, как бороться. Не сегодня и не завтра, но они одолеют эту дрянь. Мы им больше не нужны.

– Ты ведь понимаешь, что как только мы переместимся, я...

– Знаю! – перебил он. – И хочу поскорее завершить то, что начато. Так или иначе...

Ива опустила на корточки, с трудом различая в чаду лицо мальчика. Один поцелуй. Теперь достаточно одного легкого прикосновения – и они переместятся...

– Василинка! – раздался неподалеку знакомый голос. Секундой спустя Ива вспомнила попутчика – рыжеволосого мужчину. – Михей! Эй!

А незнакомый молодой бас вторил:

– Жenuшка моя дорогая! Сынок! Это я, Филипп! Я живой! Искал вас, искал, насилиу нашел!

Ива и Ксандор обменялись изумленными взглядами. Теперь точно пора было уходить.

Но на сердце у Ивы стало легко и спокойно: муж Василинки жив, все у них наладится!

Губы Ксандора изогнулись в усмешке, которая совершенно неожиданно и даже, кажется, против воли, перешла в широкую улыбку.

– Должно быть, он удивится, когда глава предложит ему место в совете! – сказал префект.

Ива хихикнула.

И поцеловала мальчика в краешек губ.

Невидимый вихрь затянул, увлек за собой их души, для того чтобы выбросить секундой позже в ином мире.

Яркое горячее солнце слепило глаза. Ива хотела прикрыть лицо, но не смогла: звякнули цепи, и рука, удерживаемая ими, повисла в воздухе.

Глава 8

Отчаянно хотелось пить. Губы потрескались от сухого горячего ветра, кожу саднило от раскаленных поцелуев жаркого солнца. По лбу стекали капельки пота, жгли веки, а не вытрешь.

Голова после перемещения сильно кружилась, так что Ива не сразу разглядела, где находится. Чей-то голос монотонно выкрикивал одни и те же слова незнакомого языка, Иве с непривычки понадобилось несколько долгих секунд, прежде чем она стала понимать сказанное.

– Молодая женщина. Девственница. Начальная цена – пятьдесят монет.

«Что?!»

Ива проморгалась и огляделась. Она стояла на небольшом возвышении перед толпой мужчин. Щиколотки и запястья сковывали тяжелые цепи – далеко не убежит, даже если захочет. Из одежды – обрывок тряпки, закрученный вокруг бедер. Ива ахнула и попыталась прикрыть грудь, чем вызвала громкий смех.

– Посмотрите-ка, какая застенчивая курочка!

Мужчины. Молодые и старые. В цветастых халатах, таких длиннополых, что рыжий песок давно пропитал ткань, волочившуюся по земле. Головы обвязаны тюрбанами. На смуглых лицах сверкают белозубые улыбки.

Ива быстро скользнула взглядом поверх толпы. Небольшую площадь, на которой она сейчас находилась, окружали низкие строения, сложенные из красной глины.

Иве понадобилось всего несколько мгновений, чтобы в общих чертах понять, что происходит. Город в пустыне. Невольничий рынок. Ее выставили на продажу.

«Проклятье! Богиня, я вовсе не о том тебя просила!»

У края площадки жались другие девушки, а также дети и старухи. Невольники разительно отличались от работарговцев: у них были молочно-белая кожа и серебристые волосы. Ива посмотрела на руки: ее кожа тоже белая, по плечам струятся светлые пряди.

– Пятьдесят! – крикнул мужчина, стоящий ближе остальных.

Он не улыбался, глядя на Иву, а она всмотрелась в резкие черты его лица, пытаясь угадать, не Ксандор ли это. Префект должен быть где-то рядом. Он стал одним из тех мужчин, что сейчас так откровенно и заинтересованно разглядывали ее. Но кем?

– Пятьдесят, господин Бадр! – подтвердил распорядитель торгов, низко склоняясь перед суровым покупателем.

– Пятьдесят пять! – перебил цену парень в алом тюрбане.

Он протиснулся сквозь толпу, раздвигая ее широкими плечами. Молодой, улыбчивый, красивый, знающий себе цену. Он встал рядом с тем, кого называли господин Бадр, заложил большие пальцы за пояс широкого кушака, покачался с носка на пятку с таким видом, будто уже заполучил желанную покупку.

Бадр скосился в его сторону, поморщился. Ничего не сказал.

– Ты опять за старое, Вазир? – весело крикнул чей-то голос. – Снова уведешь в свой гарем самую красивую курочку прямо из-под носа своего старого приятеля?

Видно, цена в пятьдесят пять монет оказалась достаточно высока – больше никто не пытался вступить в торги. Но, вероятно, борьба этих двух за обладание ценной рабыней сама по себе являлась развлечением для людей, собравшихся на площади.

Ива стояла, сжав руки у груди. Она почти не сомневалась, что мужчина с резкими чертами лица и есть Ксандор. Он выкупит ее, а потом убьет. В этих цепях Ива не сможет даже как следует замахнуться кинжалом.

– Шестьдесят! – бросил Бадр, не обращая внимания на то, что его ответный ход был встречен восторженными криками.

– Семьдесят!

Вазир отстегнул от пояса и взвесил на ладони кошель с монетами. Развязал тесемки, заглянул внутрь, прищурился.

– Восемьдесят! – выплюнул его соперник.

– Сто! И покончим с этим!

– Покончим, согласен! – кивнул Бадр и, не успели наблюдатели разочарованно выдохнуть, добавил: – Сто десять!

Он поднял лицо и в упор посмотрел на Иву, а та вдруг растеряла всю уверенность, ее и без того маловато оставалось. Непросто следовать плану, когда все идет совсем не так, как задумано: это она должна сейчас с торжеством поглядывать на префекта. Это она должна поймать последний взгляд своего врага, когда тот, захлебываясь собственной кровью, падет у ее ног, осознавая, что проиграл. Но все снова пошло наперекосяк.

Вазир сокрушенно воздел руки к небу, будто жалуясь на своего обидчика. И все же Ива видела, что с его губ не сходит плутоватая усмешка – он просто играл на публику.

– О, проклятый Бадр! Ты меня разоришь! Сто пятьдесят!

Ива увидела, как у Бадра, впервые за время торгов, нервно дрогнуло веко: он был в бешенстве. И хотя он еще не произнес это вслух, но Ива уже знала: он проиграл. Она вздохнула от облегчения, хотя тут же и отругала себя. Чему радуешься, глупая? Тебя только что продали в гарем!

Хотя Вазир казался приятным молодым человеком. А пока суд да дело, Ива, глядишь, и придумает, как быть дальше. Ей нужна передышка и желательно подальше от Ксандора.

Распорядитель торгов выждал положенное время, но цену, названную Вазиром, никто не перебил.

– Продана господину Вазир.

Парень в алом тюбане с разбега запрыгнул на возвышение. Приблизился к Иве и обошел кругом, рассматривая ее, но не касаясь.

– Дивно, дивно... – Улыбка не сходила с его лица. – М-м-м, ты не знаешь, какая ночь тебя ожидает!

Иве сделалось тревожно, но не слишком. Такие, как Вазир, любят бахвалиться. Судя по всему, в его гареме уже и без того десятки наложниц. Новенькая нужна ему для коллекции или просто чтобы снова обойти в споре своего вечного соперника. Вполне вероятно, в ближайшие недели Вазир и не вспомнит о новой рабыне.

Вазир, не глядя, перекинул тугой кошель распорядителю, а сам все смотрел на Иву, цокал языком.

– Следуй за мной! – приказал наконец и, решив, что рабыня не понимает языка, тыкнул себе в грудь и изобразил двумя пальцами идущие ноги.

Толпа почтительно расступилась. Вазира поздравляли с победой, похлопывали по плечам. Ива, скованная цепями, не могла идти быстро, но никто ее и не торопил.

Бадр на мгновение загородил дорогу, ожег взглядом.

– Ксандор? – одними губами произнесла Ива, уже догадавшись, каким будет ответ: кто еще может смотреть так холодно и жестоко. – Я позже тебя убью!

– Идиотка! – так же безмолвно ответил тот.

Или он сказал: «Ведьма»? Ива не разобрала. Но точно какую-то гадость. Чего еще от него ждать?

За пределами невольничьего рынка ожидали своих хозяев паланкины и повозки. Животных, стоящих в упряжке, Ива по ошибке приняла за лошадей, но присмотрелась и поняла, что те больше напоминают гигантских собак. Голенастые, гладкошерстные, со впалыми животами, они нервно переступали с лапы на лапу и хлестали себя по бокам хвостом. Когда Ива проходила мимо одной из них, та оскалилась, показав острые клыки. Да, такой морковку не предложишь, такая скорее пальцами заинтересуется.

Вазир молча открыл перед ней дверь закрытого черного паланкина. Четверо слуг уже стояли наготове. Ива осталась одна в тесном темном пространстве. Жесткая скамья, на которой она устроилась, закачалась, затряслась, будто носильщики пустились бегом.

Ива попыталась собрать мысли в кучку, хотя это оказалось непросто. А подумать было о чем.

«Трусиха! Какая же я трусиха! – призналась она себе. – Сбежала!»

Паланкин в очередной раз пошатнулся, Ива подскочила и натолкнулась рукой на продолговатый круглый предмет, в котором булькнула жидкость. Она поднесла его к глазам и поняла, что это высушенная и выдолбленная тыква, внутри которой плещется вода. Ива вытащила пробку и с наслаждением напилась. Стало чуть легче.

«Может, я и трусиха, но что я могла сделать?» – размышляла Ива, освежая в памяти недавние события.

И она решила пока расслабиться. Ксандор все равно появится рано или поздно, вот тогда и надо будет действовать быстро. Наверняка он попытается убить ее первым, хотя Ива и предупредила о том, что он навсегда застрянет в чужом теле. Но поверил ли Ксандор? Или решил, что лучше оставить себе чужое тело, чем вообще никакого?

Паланкин дернулся и встал. Дверь распахнулась, и Ива зажмурилась от яркого света.

– Иди-иди! – заворчал немолодой женский голос, а рука с шершавой, огрубевшей кожей схватила Иву за локоть и потянула за собой. – Иди-иди!

Пожилая женщина, закутанная с ног до головы в серое покрывало, могла быть только служанкой. Вероятно, она, как и Вазир, была уверена, что рабыня не знает языка, и пыталась разговаривать с невольницей на ее родном наречии, из которого знала пару слов.

– За мной иди. За мной.

Паланкин принесли во внутренний двор большого дома. Двор с четырех сторон окружали башни с круглыми куполами, между которыми тянулись стены дома. Служанка тянула Иву ко входу в восточной стене. Ива быстро осмотрелась, пытаясь взглядом отыскать Вазира, но он, вероятно, и думать забыл о своем новом приобретении.

Служанка провела Иву через короткий коридор, и алая жрица попала в зал, устланный мягкими коврами. Этот зал был соединен аркой со следующим, и, насколько Ива могла судить, анфилада комнат тянулась от восточной башни к южной.

С другой стороны здания располагалась открытая галерея, выходящая в сад. Отсюда Иве трудно было рассмотреть, что происходит в саду, но она слышала плеск воды и женские голоса. Очевидно, служанка привела Иву на женскую половину дома, где ей придется пребывать какое-то время, пока...

Пока она не придумает способ добраться до Ксандора и вернуться назад! Вот только как это сделать?

– Иди-иди! – Служанка, заметив, что невольница замедлила шаг и оглядывается, снова завела свою песню. – Вода. Иди. Чистый будешь!

Ива хотела было признаться, что прекрасно понимает местное наречие, но решила повременить. Молча пошла за служанкой.

В этот момент в комнату заглянула юная девушка. Одета она была легко – в полупрозрачную сиреневую тунику, едва скрывающую ее прелести. Распущенные темные волосы вились кольцами. Карие глаза заблестели, когда она увидела невольницу. Она оглянулась в сад и крикнула:

– Девочки, безделушку привели!

Безделушку? Ива тряхнула головой, не уверенная, что правильно поняла слово.

Следом за очаровательной девушкой прибежали другие наложницы. Их оказалось семь. Ива немного удивилась, предполагала, что их должно быть больше. Туники у всех были раз-

ных цветов, шеи и запястья украшали дорогие браслеты и бусы. Видно, Вазир баловал своих любимиц.

Девушки окружили Иву и принялись вслух обсуждать ее, не зная, что невольница понимает каждое слово.

– И что он находит в этих бледных поганках? – недовольно искривила губы жгучая брюнетка с черными глазами. – Только деньги тратит впустую.

– Да! – поддакнула ей девица в оранжевой тунике. – Он обещал мне браслет с изумрудом, а теперь...

– Я бы на вашем месте не осуждала нашего мужа! К нам он добр! Балует нас! – укорила своих товарок пухленькая невысокая девушка с беззлобным лицом. – Ты ведь знаешь, Багира, и ты, Гейда, что после вас одарят не только браслетами. Вазир исполнит любое ваше желание. А что до его маленьких слабостей... Он мужчина, он имеет право раз в месяц купить себе безделушку.

Опять это слово. Ива нахмурилась, размышляя. По словам девушек, выходило, что все они жены Вазира. А где же все остальные наложницы? Или Ива неправильно что-то поняла?

Черноглазая Багира обошла вокруг Ивы, перебирая в руках бусы, разглядывая «маленькую слабость» мужа.

– Если бы не знала, что больше эту пакость не увижу, сама бы ей глаза выцарапала.

Ива смело смотрела в ответ, не отводила взгляд, даже радовалась тому, что может безнаказанно злить Багиру. Ведь языка она якобы не знала, а значит, могла делать вид, что не понимает сказанных ей слов.

Служанка, что привела Иву, терпеливо ожидала в сторонке, но после слов Багиры приблизилась, ежесекундно кланяясь и молитвенно сложив руки у груди.

– Не надо глаза, о светлая госпожа. И лицо не надо портить. Господин Вазир недоволен будет. Мне велено помыть, покормить и отвести к нему в покои.

Багира нервно крутанула браслет и презрительно закусила губу, только махнула рукой: мол, уводи!

– Иди-иди! – прошипела служанка, увлекая Иву за собой.

За спиной Ивы разговор продолжился.

– И хорошо даже, что он безделушек покупает.

– А потом такой ласковый. К нам он всегда добр!

– Попробовал бы он с нами неласковым быть. У меня влиятельный отец, Вазир ни к чему с ним ссориться.

– Не только у тебя, Баги, отец богат и знатен. Вазир не взял бы нас в жены, будь иначе.

Голоса постепенно стихли. Ива шла, нахмурившись. Какая-то важная мысль не давала ей покоя, но никак не могла оформиться. Тем временем служанка привела ее в небольшую комнату, выложенную узорчатой плиткой. В полу находилось углубление, в котором исходила паром вода.

Как ни тревожила Иву непонятная ситуация, она была рада возможности смыть с себя пыль, пот и грязь. Правда, спокойно полежать в горячей воде ей не дали. Служанка принялась мыть ее и скоблить, волосы намазала какой-то едкой гадостью, от которой кожа головы горела огнем. Да, о комфорте Ивы никто заботиться не собирался.

Признав результаты своих трудов удовлетворительными, служанка, пыхтя себе под нос, насухо вытерла Иву, расчесала щеткой ее длинные волосы, отчего те стали лосниться и блестеть, после чего начала деловито заворачивать Иву в полупрозрачную ткань. Это тоже была туника, но, в отличие от ярких туник жен Вазира, эта оказалась серебристой, в тон светлым волосам невольницы.

После она отвела Иву в соседний зал, усадила на ковер, где прямо на полу стоял поднос с едой – с фруктами и сыром.

– Есть! – буркнула служанка. – Ждать.

Сама отошла, села у выхода, прислонившись к стене, и заклевала носом, разморенная душным паром.

Ива отщипнула от кисти сиреневую ягоду, напоминающую виноград, задумчиво положила в рот. Есть не хотелось. Ей стало не по себе от происходящего. Все было неправильным, странным.

К тому же... Ягода вдруг показалась горькой. Что, если Вазир не шутил насчет ночи, которая ее ожидает. Ведь Иву не просто так мыли, собирали...

Она вскочила на ноги, неловко толкнула кувшин, и тот опрокинулся, вино толчками хлынуло наружу.

«Надо бежать! Но куда?»

Без Ксандора она застряла в этом мире. Все ее таланты ничто перед грубой силой. Что она может? Танцевать? Петь? Слагать стихи? Так Вазир с радостью полюбуется на танец, послушает пение, а потом найдет и другой способ насладиться!

Вазир... Что-то не давало Иве покоя, но сосредоточиться не получалось. Надо бежать! Хотя бы попытаться!

Ива осторожно прокралась к двери, уверенная, что ей удастся ускользнуть во внутренний дворик, а там можно забраться по стволу дерева и перемахнуть через стену.

– Стоять! – крикнула служанка, вцепившись ей в лодыжку острыми пальцами. – Есть! Ждать!

Ива хотела вырваться, но увидела, что по галерее ходят стражи, призванные охранять покой женской половины дома. Скорее всего, евнухи, но это не делало их менее сильными и быстрыми – беглую рабыню поймают тут же.

Ива опустила на пол. Сжала пальцами виски. Никогда еще она не чувствовала себя такой слабой. Даже когда шла на встречу с префектом – не боялась.

Это надо же было так влипнуть! И кинжал не поможет: он может убить лишь того, с кем Ива находится в энергетической связке, только Ксандора.

Когда они с сестрами разрабатывали план, то не могли предположить такого поворота событий. Интересно, где сейчас Ксандор? Наверное, хохочет над незадачливой мстительницей.

А если Вазир сегодня ночью добьется от нее того, чего хочет?

– О-о-о, – застонала Ива, закрывая лицо руками. – Моя магия...

Это любой алой жрице известно: стоит потерять невинность, как вместе с ней уйдет и сила.

– Проклятый Ксандор! Ненавижу тебя! Если бы не ты...

Ива осеклась, заметив вдруг, что ткань, из которой служанка соорудила для нее одежду, по краю заляпана грязью. Выходит, тунику уже кто-то носил раньше.

Ива приблизила пятно к лицу и вскрикнула. На серебристом шелке темнела кровь.

Глава 9

Пол комнаты, в которую ее привели, был устелен алым шелком. На стенах висели ковры красного цвета. Повсюду лежали маленькие подушечки – багряные, точно кровь.

Ива уже обо всем догадалась в тот момент, когда увидела пятно на тунике. Она и раньше слышала о таких мужчинах – мужчинах, которые убивают девушек ради наслаждения. Вазир действительно каждый месяц покупал себе новую наложницу, но до утра она не доживала... Вот только Ива собиралась дорого отдать свою жизнь.

– Сидеть! – служанка толкнула Иву на лежанку, заставила сесть на колени. – Ждать. Господин.

Ива огляделась в поисках чего-нибудь, что можно использовать в качестве оружия, но Вазир предусмотрел такую возможность. Комната оказалась почти пуста. Не станешь ведь его подушкой душить? Хотя...

В коридоре послышались приближающиеся шаги и веселые голоса. Оба мужских голоса показались знакомыми.

– Смирись уже с проигрышем! – смеясь, произносил приятный баритон. – Не понимаю, зачем тебе понадобилось любоваться на мою безделушку.

Это Вазир. Ива его сразу узнала и подобралась, готовая дать отпор. На всякий случай стряхнула с круглого жестяного блюда фрукты и положила его рядом – будет обороняться.

– Говорят, что девы лунного племени неплохо танцуют. Попросишь ее станцевать для меня? – ответил размеренный спокойный голос.

Ива похолодела. Бадр. Вернее, Ксандор. Все, теперь ей не спастись.

– Не знал, что лунные девы танцуют. По-моему, мозг у них не больше ореха! Ты слышал их язык? Это же какое-то птичье чириканье!

Вазир и его гость вошли в комнату, и последнюю фразу хозяин дома произносил, уже глядя на Иву. И улыбался при этом.

Но Ива не смотрела на Вазира, ее взгляд встретился с взглядом Ксандора. А тот сузил глаза, прищурился, разглядывая свою несостоявшуюся убийцу.

«Торжествуешь, мерзавец?» – мысленно спросила она его.

– Она ведь не понимает языка? – обратился Ксандор к Вазиру, а сам снова поглядел на Иву – выразительно так, словно намекал на что-то. Будто хотел, чтобы она внимательно слушала.

Ива поняла, что брови ее удивленно ползут вверх, и усилием воли вернула их на место. Вазир не знает, что она понимает язык. А вот Ксандор знает! Ива еще в прошлый раз рассказала ему, что магия алой жрицы позволяет понимать язык любого мира, в который они переместятся.

– Конечно, не понимает! Эти глупые создания до последнего не знают, что их ждет. Я им улыбаюсь, они мне улыбаются. Соображают, только когда достаю нож. Тогда и начинается самое интересное.

Ксандор хмыкнул, усаживаясь на пол. Скрестил ноги, подобрал укатившуюся с подноса сливу, обтер о рукав и надкусил.

– Наливай, Вазир! Выпьем, поболтаем. Полюбоемся танцем.

Ива застыла, оцепенев. Какую игру ведет Ксандор? Чего он хочет?

Вазир хлопнул в ладоши, и двое слуг немедленно внесли кувшин с вином и чаши – словно из-под земли выросли или под дверью ожидали. Ива поняла, что Вазира в этом доме все боятся, пытаются предугадывать приказы. А ведь он сначала показался Иве таким симпатичным...

– Я разолью, – улыбнулся Ксандор.

Хозяин дома и его гость выпили. Вазир раскраснелся, откинулся на подушки, сбив их в кучу. Ксандор лишь чуть расслабил плечи. Он не сводил взгляда с Ивы, с ее рук... И она вдруг догадалась: Ксандор ждет, не появится ли в ее руках кинжал.

А ведь действительно, сейчас самое время! Если она успеет его убить, то вернется в Курж. И Вазир ей будет уже не страшен!

Ива сжала правую ладонь в кулак, но медлила, сама не зная почему. Молчаливый диалог взглядами все длился и длился.

«Чего ты хочешь, Ксандор? Ты ведь понимаешь, что у меня нет другого выхода! Опустим глаза! Не смотри!»

– Ты не успеешь, – сказал Ксандор, глядя в упор на Иву.

– Что? – встрепнулся Вазир. – Чего я не успею?

– Не успеешь посмотреть на танец, если станешь тянуть и дальше, – нашелся Ксандор.

Но Ива знала, что слова предназначались ей: «Я знаю, что ты задумала. Но ты не успеешь меня убить. Я начеку».

Она едва не застонала от отчаяния. Вот, значит, как. Пришел полюбоваться, как ее будут мучить. Может, и сам хочет принять участие? Проклятый!

– Да я не тороплюсь! – Вазир снова откинулся на подушки. – Я люблю предвкушать. Они сначала такие расслабленные. Стараются мне угодить. Думают, их ждет жизнь в богатом доме. Но разве я оставлю у себя кого-то из этих низших созданий?

– Низших? – Ксандор чуть повернул голову, не упуская, однако, Иву из вида.

– Ага. Живут в грязи, как скот. Едят всякую дрянь. Хотя женщины их красивы, этого не отнять. Мерзавки. Каждый раз не могу устоять... Они не люди. Во всяком случае, не такие, как мы.

Ива резко распрямилась, сжала губы. Разные миры, разные культуры – и здесь то же самое! Почему люди так устроены? Почему готовы уничтожать все, что хоть немного отличается от привычного?

«Что, Ксандор, нашел себе собрата по разуму! – подумала она с горечью. – Ничего, тебе-то я точно всажу кинжал промеж глаз, попробуй только приблизиться!»

– У них нет души? – нахмурился Ксандор.

– Души? Да кого интересует их душа! Лично меня интересуют только их тела!

Вазир лениво потянулся и погладил Иву по коленке, укрытой тканью. Ее передернуло, по коже побежали мурашки.

Ксандор встал и решительно подхватил Иву под мышки, поставил на ноги. Будто специально оторвал ее от Вазира. Померещилось, конечно.

– Станцуй нам, девочка! – сказал он и после изобразил, довольно неуклюже, кружение в танце.

«Да чего тебе надо от меня, мерзавец?»

А он хмурил брови и смотрел в глаза, а сам улыбался неестественно-широкой улыбкой. Ива медленно кивнула. В общем, у нее и выхода другого не было.

– Вазир, ты принесешь лютню? Я сыграю.

Вазир, захмелевший и пришедший в благодушное настроение, расхохотался:

– Да здесь намечается целое представление! Что же, не поленись, схожу.

Кряхтя, он принялся неуклюже подниматься. Ива решила, что вино слишком сильно подействовало на хозяина дома. Непонятно, как он в таком состоянии собирался творить свои злодейские дела.

– Ты смотри у меня! – Вазир погрозил гостью пальцем. – Не шали здесь с моей безделушкой!

Вывалился в дверной проем, едва не стянув занавес, прикрывающий вход, и ушел. Действительно отправился за лютней – Ива слышала удаляющиеся шаги.

Ива вздохнула с облегчением, а потом сообразила, что осталась наедине с Ксандором. Кинжал мгновенно вспыхнул в руке, как свеча.

– Не подходи!

– Странно. А как же ты тогда собираешься меня убивать? На расстоянии?

Надо же, еще иронизирует, гад. Ива решила не вступать в диалог, принялась обходить Ксандора по широкой дуге, медленно подбираясь к выходу.

– Я так понимаю, кинжал специально на меня заговорен? Какая честь! Но боюсь, против Вазира он не действует. Я прав?

«Прав, негодяй! Еще как прав! Но ничего, дай мне только в коридор выйти!» – думала Ива.

– Хм... Похоже, ты вот-вот провалишь миссию! Разве ты должна сбегать от меня, а не убивать? Думаешь, я так и буду теперь за тобой ходить, ожидая, пока ты решишься?

А ведь действительно! Станный какой-то расклад получается: она вытащила из Ксандора его мерзкую душонку, перенесла в другой мир, специально, чтобы убить. А теперь сама же от него бежит! У Ивы даже щеки покраснели от стыда.

Она зарычала и кинулась на врага! Сейчас или никогда!

Получалось, видно, что никогда...

Ксандор скрутил ее в мгновение ока, прижал спиной к своей груди, ухватил за запястье, стиснул, пытаясь вытряхнуть кинжал. Ива выкручивалась, лупила пятками по голени, даже пробовала укусить врага за пальцы и тут же принялась отплевываться. Вынуть кинжал из руки Ивы было невозможно – он был частью ее, но и она не могла всадить лезвие во врага. Снова безвыходная ситуация! Ива, однако, продолжала вырываться, шипя, как рассерженная кошка.

– Ива, послушай!

Она вонзила зубы в его предплечье, заставляя Ксандора охнуть от боли и неожиданности.

– Ива!

Ива резко откинула голову назад, метясь в нос. Кажется, попала! Что-то хрустнуло, а гад коротко и с чувством выругался. А после укусил Иву за ухо, дожидаясь, пока она перестанет дергаться. Пришлось замереть – ухо горело огнем.

– Отпусти, – процедила она сквозь зубы. – Ты все равно меня убьешь. Буду признательна, если покончишь с этим быстро.

– Лучше я, чем Вазир? – усмехнулся гад.

Ива промолчала. Силы вдруг покинули ее. Она почти повисла в руках врага, стояла на ногах только благодаря тому, что он сжимал ее в стальных объятиях.

– Отпусти, – повторила она и вдруг усмехнулась, вспомнив мальчишку, что болтался в ее руках, как тряпочка. – Умлу с достоинством.

Ксандор едва ощутимо вздрогнул.

– Хотел бы убить, давно бы уже убил, – сказал тихо.

Глава 10

– А ты... не хочешь? – опешила Ива.

Она попыталась обернуться через плечо, чтобы посмотреть в лицо врага. Карие глаза Бадра на секунду показались серыми, дымчатыми глазами ненавистного префекта. А все потому, что личность Ксандора проглядывала в чужом теле так явно, что Ива ни на миг не переставала помнить, кто перед ней на самом деле.

Ксандор повернул ее к себе лицом, удерживая за плечи.

– Убери кинжал.

Она послушалась: все равно вернуть его не составит труда.

– Чего ты хочешь? – спросила Ива.

– Договориться. Ты возвратишь меня в мое тело, а я тебя не убью, – не стал юлить префект. – Я должен вернуться. Я не могу подвести императора.

А, вот оно что! Не может подвести императора! Какой ответственный вояка!

– С каких это пор правитель Аланка стал императором? – с презрением поинтересовалась Ива.

– С тех самых, как завоевал половину материка. Сфоридис тоже скоро падет, – спокойно и даже буднично пояснил Ксандор. – Свободы я тебе и другим ведьмам не обещаю, но оставлю в живых до разбирательства...

– Какое заманчивое предложение! – скривилась Ива. – В чем же, позволь спросить, ты хочешь разобраться?

– Я...

В коридоре раздалось бречание лютни, и захмелевший голос пропел несколько нот. Вазир! Он возвращался.

Ксандор метнул на Иву острый взгляд, который говорил красноречивее любых слов.

– Мы переместимся, – прошипела Ива. – Но не в Курж. Мы еще не договорили! Целуй!

Ксандор сжал тонкие плечи, притягивая Иву к себе. Сейчас она выглядела иначе – белокожая девушка с серебристыми волосами, да и Ксандор ни капли не был похож на себя прежнего – худощавое хищное лицо, острые скулы, темные глаза, – но и он, и она безошибочно чувствовали друг друга даже в чужих телах. Ива видела безжалостного префекта, а Ксандор видел алую жрицу. Его губы замерли в миллиметре от ее губ. Ива умела читать лица как открытую книгу, вот и сейчас заметила, что префекта охватили противоречивые чувства: жгучее желание и злость на себя из-за того, что он воделеет алую ведьму.

– Все непросто, да? – усмехнулась она.

И тут же губы обожгло поцелуем. Горячий, почти яростный, жаждущий подчинить и властвовать поцелуй постепенно уступал нежности девичьих губ. Ксандор оказался первым, кого целовала Ива, и она, конечно, была совершенно неопытна в таких делах. Ее поцелуй был невинным, сама юность дышала в нем, и Ксандор сам не понял, почему боится причинить боль этой ведьме, проклявшей его, почему разжал пальцы, опасаясь повредить что-то в ее хрупком теле. Ладно. Он ее не убьет. Под стражей, в королевской темнице, но она останется жить. Пусть даже у этого творения тьмы, что так умело притворяется человеком, и вовсе не уцелело души. Нужно только вернуться...

Однако что-то пошло не так. В прошлый раз хватило легкого прикосновения губ, чтобы переместить Иву и Ксандора в другой мир, сейчас же поцелуй длился и длился, а они остались на месте. У Ивы потемнело в глазах, она поняла, что скоро потеряет сознание. Для перемещения не хватало жизненной силы: они слишком мало времени провели в этом мире, и Ива не успела ее накопить.

– Ого! Что я вижу! Бадр, негодник, я же просил не трогать мою безделушку!

Вазир гневно тренькнул по струнам лютни, но тут же расхохотался пьяным смехом.

– Все, вина больше не пью! А тебе, мой друг, пора уходить, мы с моей лунной девочкой будем очень заняты сейчас.

Ксандор, однако, не спешил выпускать Иву из рук, его лицо напряженно застыло. Он судорожно пытался придумать новый план взамен развалившегося.

– А как же танец?

Спросил у Ивы глазами: «Сможешь?» Она неуверенно кивнула, недоумевая: чем поможет танец?

Вазир развел руками, мол, сдаюсь. Грузно опустился на подушки, неуклюже поймал яблоко, принялся хрустеть им, поглядывая на Иву с нетерпением: мол, давай уже, танцуй, а после приступим. Ива заметила длинный узкий нож, висевший в петле на поясе. И только сейчас поняла, что у Ксандора не было с собой оружия. Возможно, Вазир и считал гостя кем-то вроде хорошего знакомого, но кинжал заставил отдать охранникам. Безоружному, будь он хоть трижды воин, нелегко придется в схватке.

Ксандор расположил лютню на коленях так, будто это лира. Как Ива ни волновалась, кончики губ дрогнули в улыбке. У Ксандора сделалось сосредоточенное лицо – кажется, он и сам не был уверен, что у него что-то получится. Перебрал струны кончиками пальцев, прислушался, кивнул своим мыслям.

Вазир обернулся, хмыкнул:

– Нет, я знал, конечно, что играть ты не умеешь, но так и быть, один танец я вытерплю. Веселись!

Ива застыла в центре комнаты, приподнялась на носочках, развела руки в стороны. Танцевать она любила. Наставница всегда хвалила ее и ставила в пример.

– Посмотрите на свою сестру, она не танцует, она живет в танце, – говорила наставница, с улыбкой глядя на стройную ученицу, которая покачивалась и кружилась, словно деревце на ветру. – Вы видите, кто она сейчас?

– Она – Ива! – отвечал разноголосый хор. – Ива над водой!

«Кто я сейчас?» – спросила себя Ива, разглядывая свои незнакомые руки, ноги и светлые, точно лунный свет, волосы. Она привыкла танцевать танец огня, но подойдет ли он этой девушке?

«Я – вода!» – подумала Ива.

Ксандор уцепился за струны. Играть на лютне он явно не умел, но уже с первых нот Ива поняла, что с лирой он точно знаком и, видимо, достаточно хорошо, потому что даже на чужом инструменте сумел наиграть мелодию.

«Это где же воинов учат музыке?» – изумилась Ива, а потом, узнав мелодию, удивилась еще больше.

Это была одна из песен алых жриц. Откуда Ксандор, ненавидящий их так рьяно, мог ее знать?

*Когда б этот день ни пришел,
Когда б эта ночь ни пришла,
Я буду струиться как шелк,
Я буду пылать как смола.
Я стану живая вода,
Позволь мне тебя напоить,
И ты позабудешь тогда
Легко все печали свои...*

Ноты – неровные, тихие – плыли в воздухе. Ива зажмурилась и представила, что она – ручей. Она – горный прохладный ручей, что бежит по камням, набирая силу. А вот уже она река – полноводная, спокойная, медленная. А вот она – морская волна, что бьется о берег и манит, манит за собой, да так, что не отвернуться, не уйти.

Продолжая танцевать, Ива открыла глаза и увидела, как жадно смотрит на нее Вазир. Он весь подался вперед, замер, замороженный ее движениями. Ксандор продолжал наигрывать, а сам потихоньку придвигался к Вазире, кидая пристальные взгляды на нож. Вот-вот дотянется, осталось только протянуть руку! Но Вазир коротко вздохнул-всхлипнул, точно приходя в себя, и плотнее запахнул халат, сложил руки на груди. Словно почувствовал что-то.

«Теперь я огонь! – подумала Ива. – Я – пламя, от которого тебе не укрыться!»

*Как нежность мне в руны облечь?
Как мне в твоём сердце разжечь
Костер из того же огня,
Который сжигает меня?
Чтоб стали мы – огненный вихрь,
Где пламя одно на двоих,
Чтоб мир удивленный притих,
Когда мы с тобой – полетим...¹*

Ива танцевала танец огня. Танец алой жрицы, танец Феникса, что умирает, сгорая, и возрождается вновь из пепла. И пусть на ней сейчас не было красного платья, но она все равно была как пламя. Ива провела рукой, будто хотела дотронуться до Вазира, а тот отшатнулся, словно боялся обжечься. Он и думать забыл о кинжале.

Давай, Ксандор! Ксандор?

Ива взглянула на префекта и увидела, что и он замер, глядя на нее. В зрачках отражались огненные всполохи. Но вот он моргнул, тряхнул головой. Взгляд сделался пристальным и резким.

И в ту секунду, когда Ива склонилась в последнем поклоне, Ксандор отбросил лютню, правой рукой схватил нож, левой вцепился в волосы Вазира, откидывая его голову назад, и одним точным движением перерезал горло. Тот и вскрикнуть не успел, а Ива тут же отвернулась, присела на корточки, закрыв лицо руками. Однако до нее все равно донесся приглушенный хрип.

– Не оборачивайся.

Голос Ксандора был таким спокойным, будто бы он не убил только что человека. Хотя, конечно, ему не привыкать.

Ива все-таки не выдержала, посмотрела краем глаза: Ксандор расположил обмякшее тело Вазира на подушках, вложил ему в руку чашу с вином. На алой ткани, устилавшей пол, кровь была почти не заметна.

– Уходим!

Он потянул Иву за локоть, помогая встать – ноги ее едва держали, но она стиснула зубы, решив во что бы то ни стало не показывать слабости.

Ксандор подошел к занавеси, выглянул, подал Иве знак подождать. А затем нацепил плутоватую улыбку пресыщенного жизнью богача и вышел из комнаты.

– Уже уходите, господин? – голос охранника прозвучал учтиво, но в то же время настойчиво. – Господин Вазир не приказывал проводить вас, как обычно это делает.

– Господин Вазир очень... хм... устал. Он прилег и просил не беспокоить его.

¹ В качестве песни алых жриц использована песня Ирины Богушевской «Шелк».

– Вероятно, он простит меня, если я спрошу его лично...

Занавесь колыхнулась, приоткрываясь, однако следом из коридора послышался шум борьбы, который почти сразу затих.

Ива попятилась вглубь комнаты, но тут сквозь проем шагнул Ксандор: он тащил оглушенного охранника. Кинул его у стены, забросал подушками.

– Все, теперь уходим.

Ива сделала шаг-другой и поняла, что сейчас лишится чувств. Она почти ничего не ела, потратила на неудавшийся переход массу жизненной силы, а в завершение всего стала свидетельницей убийства. Не слишком ли много событий для одного дня?

Ксандор разглядывал ее, прищурившись. Может, решал, не прирезать ли эту доходягу, пока она сама не отправилась к праотцам? Но потом плюнул и взвалил Иву себе на плечо. Она же была так слаба, что даже возразить не смогла, только возмущенно пискнула. И вдруг подумала, что Ксандор именно сейчас не ждет подвоха. Кинжал откликнулся на ее зов, но оказался тонким, почти призрачным: нехватка жизненной силы сказалась и на нем. Однако это не помешало Иве из одного только упрямства ткнуть Ксандора в плечо мерцающим лезвием. Порезала, но неглубоко – скорее поцарапала.

Ксандор зашипел и стукнул ее по тыльной стороне ладони.

– А ты упрямая, да, ведьмочка? А как же договор?

– Но ты же не заключаешь с ведьмами соглашений, разве нет?

Ксандор шумно выдохнул: отпираться было бессмысленно, ведь Ива только повторила сказанные им слова.

– Ну давай. Режь! Твоя взяла!

Он поднял голову, подставляя обнаженную шею. Ива потянулась к нему слабой рукой, но лезвие, сверкнув, погасло, а следом и сама Ива потеряла сознание.

Глава 11

Ива пришла в себя и лежала, не открывая глаз, прислушиваясь к звукам вокруг. Странно, что сестры не разбудили ее с рассветом, как это заведено. Ива нахмурилась, пытаясь вспомнить, какое дело поручено ей с утра. Она должна накрывать на стол? Учить маленьких сестер танцу?

И вдруг в память хлынули образы последних дней. Армия Конфедерации у стен Куржа. Острие меча у обнаженного горла. Поцелуй, который отправил ее и Ксандора в другой мир. Вазир, что с хрипом упал на пол...

Ива вскрикнула и села, осматриваясь. Постель ей заменяла циновка из соломы, брошенная на глиняный пол. Сверху Ива была укрыта шкурой какого-то незнакомого зверя – бархатистой, тонкой, но очень теплой. Судя по голым стенам, обмазанным глиной, сквозь которую пробивались пучки соломы, Ива находилась в небогатом доме. Маленькое круглое оконце под потолком почти не пропускало света.

Ива успела испугаться, что она в темнице, но тут увидела, что не заперта: над арочным входом колыхалась от ветра тряпка, заменяющая полог.

Рядом с постелью обнаружился кувшин с прохладной водой, а на медном блюде лежали хлеб, сыр и вяленое мясо. Ксандора поблизости не наблюдалось, но едва ли он ушел далеко. Скоро вернется, а Иве понадобятся силы для серьезного разговора. Вряд ли он хочет ее отравить, к чему такие сложности. Поэтому алая жрица набросилась на еду, которая показалась Иве невероятно вкусной после того, как она весь прошедший день провела, подкрепившись несколькими ягодами.

– Больше не голодна? – спросил насмешливый голос.

Ива вздрогнула и закашлялась от неожиданности. На мгновение стало светлее: кто-то откинул полог, но солнце тут же заслонил темный силуэт. Бадр – вернее, Ксандор, а это, конечно, был он – зашел в хибару и сел прямо на пол, скрестив ноги. Ива на всякий случай отодвинулась дальше, на самый край циновки, но враг не делал попыток приблизиться.

– А недавно была такая смелая! – хмыкнул он. – Не хочешь продолжить то, на чем остановилась?

Ива молчала, настороженно глядя на Ксандора. Продолжить она всегда успеет. Если честно, ей было немного стыдно за свой порыв: не много чести пытаться зарезать того, кто несет тебя на руках. Вроде бы спасая... Во всяком случае, обстоятельства были таковы, что сама Ива не справилась бы.

– Чего ты хочешь? – угрюмо спросила она.

– Правды! Подробно и ясно, так, чтобы я больше не терялся в догадках.

– Я ведь уже говорила...

– Да-да, в общих чертах. Но мне нужны детали! Почему ты не убила меня там, в Курже, когда была такая возможность?

– Кинжал – часть моей жизненной силы, он не действует там, где находится мое реальное тело. Наши души должны были покинуть наши тела... Через поцелуй я вытянула твою душу. Ксандор зарычал. Ива отшатнулась, но префект уже взял себя в руки.

– Душу, значит. Не удивлен. Так убить этим кинжалом можно только меня и только... Где?

– В одном из миров-отражений. Мы их называем так.

Ксандор спустил с плеча ткань халата, показывая порез, оставленный лезвием.

– Почему ранено это тело? Или, убив меня, ты убьешь и того человека, чье место я занял?

Ива отрицательно покачала головой.

– Нет-нет... Мы подробно изучили свитки! Мы бы не пошли на убийство невинного. Кинжал ранит тебя, пока ты в чужом теле, но как только ты покинешь его, тело мгновенно исцелится.

Ксандор посмотрел недоверчиво, но спорить не стал.

– А если кто-то другой убьет меня обычным оружием?

– Тогда умрешь и ты, и хозяин тела.

– Что сейчас происходит с нашими реальными телами, оставленными в Курже? – сухо, как на допросе, продолжил он.

Ива подумала, что в таком тоне беседовать не станет, и демонстративно отвернулась. Ксандор шумно выдохнул. Видно, пытался взять себя в руки, чтобы не придушить эту проклятую ведьму прямо здесь.

– Я должен знать, – сдержанно сказал он. – Если ты хочешь, чтобы я оставил жизнь тебе и твоим сестрам.

Ива закусила губу. Это было заманчиво! Так заманчиво – вернуться, больше не боясь смерти. Но не обманет ли Ксандор? Что же, не будет вреда от того, что она честно расскажет ему обо всем.

– Никто точно не знает, как течет время в других мирах относительно нашего. Мы давным-давно не использовали этот способ перемещения. Может быть, там прошла минута. Может быть, несколько дней. Наши тела не погибли, они просто спят беспробудным сном...

– Спят беспробудным сном... – глухо повторил Ксандор, а Иве вдруг показалось, что в голосе префекта не просто так столько горечи.

– Почему вы так ненавидите нас? – осторожно задала она вопрос, который мучил ее с того дня, когда началась война.

– Я уже говорил.

– Думаете, что у нас нет души? Что... мы вытягиваем и пожираем чужие души?

Ива пыталась вспомнить и повторить все фразы, случайно оброненные Ксандором, вернулась мысленно на темную дорогу, ведущую в Ломов, и как наяву увидела удивленные взгляды мальчишки, которые он то и дело кидал на нее, не веря, что она может что-то чувствовать.

– У меня есть душа, Ксандор! Не знаю, кто тебе наплел эти глупости...

– Глупости, значит. Вероятно, мне просто мерещится то, что я занял чужое тело? – саркастически поинтересовался Ксандор.

Ива склонила голову, признавая, что не все слухи об алых жрицах являются слухами.

– Но вот насчет того, что ты сосуд, содержащий в себе лишь тьму, пока не уверен... Потому и оставляю вас в живых, пока идет разбирательство.

– А как разбираться планируешь? Я слыхала, раньше таких, как мы, кидали в воду. Выплыла – значит, ведьма. Не выплыла – ой, ошибка вышла! – вспыхнула Ива.

Префект и алая жрица какое-то время сверлили друг друга глазами, и никто не хотел первым опустить взгляд.

– Ты ошибаешься, – наконец сказала Ива. – И я тебе это докажу.

– Отлично! Докажи! Но сначала верни нас на место! Теперь у тебя хватит жизненной силы? Или как она там называется?

Ива задумалась, прислушиваясь к себе. Ей давно не давала покоя какая-то смутная, не оформившаяся мысль. Некогда было размышлять: ее то продавали, то пытались убить. А ведь подумать было о чем.

– Ксандор, тогда, на торгах, ты уже все знал о Вазире, да?

– Да, я пришел в себя, услышал обрывки разговоров и понял, что ни одна наложница не доживала до утра. Потому и стремился выкупить тебя.

«Идиотка!» Ива вспомнила, как Ксандор заступил ей дорогу и от души выругался.

– И пришел специально, чтобы...

«Меня спасти?» – просилось на язык, но Ива сжала губы. Ни о каком спасении и речи не было: Ива нужна Ксандору для того, чтобы вернуться домой. Без нее он навеки застрянет в чужом теле.

– Чтобы! – подтвердил Ксандор и криво усмехнулся, догадавшись о несказанном.

– Знаешь, я думаю, что здесь не только моя жизненная сила важна, – медленно произнесла Ива. – Мне кажется, в каждом мире нас ждет какая-то важная миссия. И пока мы ее не выполним, дальше не двинемся. В первый раз мы должны были спасти город от тварей. Во второй раз спасали несчастных девушек. Этот гад... Он больше никого не убьет!

– Не терплю скотства, – выплюнул Ксандор.

– Сказал убийца.

– Быстрая и легкая смерть для того, кто ее заслуживает, – неотъемлемая часть любой войны. Но не это... Нет чести в том, чтобы изнасиловать женщину.

– Еще мараться! – подсказала Ива Ксандору его же слова. – Да?

– Да. После этого действительно чувствуешь себя грязным.

Ива открыла рот. Закрыла. Она не нашлась с ответом, просто подивилась про себя, до чего искаженное у Ксандора представление о чести. Убивать, значит, можно и нужно, но как-то так... Чистенько.

Хотя Ива по-прежнему отчаянно ненавидела префекта, она поняла, что теперь все же сможет пойти на соглашение. Если только переход сработает, в чем она не была уверена.

– Думаю, у нас ничего не выйдет, если девушке, в чьем теле я нахожусь, по-прежнему грозит опасность. Что за человек этот Бадр? Может, он такой же, как Вазир? Не просто так они соперничали, выбирая самых красивых невольниц.

Ксандор покачал головой.

– Нет, все его наложницы живы. Насколько я понял, Бадру не чуждо понятие чести. Он специально старался перебить торги, чтобы увести невольницу в свой гарем.

– Гарем... – сморщилась Ива.

– В этом мире так принято. Его наложницы вполне довольны жизнью. Если мы переместимся, думаю, девушке рядом с Бадром ничто не грозит.

Они переглянулись и замолчали. Обсуждать больше нечего, пора решаться.

– Ты вернешь нас в Курж?

– Ты обещаешь сохранить жизнь алым жрицам?

– Клянусь. Клянусь именем моего отца.

Ива кивнула: для уроженца Аланка это была серьезная, нерушимая клятва.

Ксандор пересел к ней на циновку, ожидая, пока Ива поднимет лицо и позволит себя поцеловать, но она хмурилась.

– Как же я устала с тобой целоваться! Какое-то извращение – целоваться с врагом!

Сказала, а потом поняла, что задела гордость Ксандора. Его лицо застыло, как маска, все мускулы напряглись.

– Уж потерпи, – процедил он. – Это последний раз, когда я так настойчиво навязываю свое общество.

Ива фыркнула.

– Ладно. Если мы не ошибаемся, достаточно просто касания губ.

– Да...

– Ксан...

Возмущенный выдох Ивы оборвал поцелуй. Очевидно, Ксандор понимал под «касанием» что-то совсем иное, потому что глубоким и страстным поцелуем будто бы хотел добраться до самого сердца.

«И кто у кого должен вытянуть душу?» – пришла в негодование Ива, прежде чем провалиться во тьму.

Она вынырнула и, как это уже бывало раньше, не сразу смогла понять, где она. Почувствовала на коже легкий ветерок, на плечи давила какая-то тяжесть...

Стоп? Откуда ветерок в палатке префекта?

– Проклятье! – произнес приятный мужской баритон. – Ива! Куда ты нас затащила!

Глава 12

Ива распахнула глаза. Как всегда, после перехода голова кружилась, окружающий мир казался слишком ярким, а звуки оглушающими.

Но это точно был не Курж!

Сквозь резную светло-зеленую листву струился солнечный свет. Птицы перекликались звонкими голосами. Смешанный прозрачный лес дышал спокойствием и теплом поздней весны. Даже тени, что отбрасывали деревья, казались тонкими, как паутинка. В воздухе кружился белый пух.

Ива смахнула с рукава зеленой куртки парашютик одуванчика и невольно улыбнулась этому миру, который выглядел таким приветливым.

Но ведь она вовсе не стремилась сюда! Она должна была перенести Ксандора в его тело.

Ива торопливо оглянулась, высматривая врага.

– Ксандор? Ох...

– Что? Не нравятся мои уши?

Ксандор явно был зол, очень зол.

Ива потому и не разглядела его сразу, что одежда Ксандора сливалась с лесом: светло-зеленая куртка, покрытая пятнами теней, коричневые брюки такого же цвета, что и стволы деревьев. А еще Ксандор оказался выше себя прежнего на целую голову. Тонкие черты лица хранили высокомерное выражение, свойственное бывшему хозяину тела. А уши... Ну, уши как уши. Для эльфа самое то!

Ива встрепенулась и тут же принялась ощупывать свои уши. Аккуратная мочка с сережкой-капелькой, а сверху тонкий заостренный хрящик, да такой длинный, что волосами не закроешь.

– Мы эльфы, – прошептала она обескураженно.

– Мы кто?!

– Эльфы. Древняя раса. Я и сама знаю про них не слишком много, только то, что читала в свитках. Высокомерные гордецы, умелые воины. Живут в лесах, и, говорят, там, где расположены их поселения, всегда весна...

– И?

– И... все...

– Плохо. Мало сведений.

Ксандор отвечал односложно, а сам кружил по небольшой поляне, вглядываясь в сень деревьев. Не заметив ничего опасного, он приблизился к Иве и взял ее за плечи.

– Если ты пытаешься меня обмануть!..

– Ксандор, я не понимаю, что происходит! – отрезала она. – Я не знаю, почему переход не сработал и почему нас забросило в новый мир.

– Проклятье! – сказали они хором.

Ива вновь ощутила непривычную тяжесть. Попыталась заглянуть через плечо, но не преуспела.

– Что там у меня? – хрипло спросила она.

Воображение тут же нарисовало гигантского паука, что уютно устроился у нее на спине и примеривается жвалами к нежной девичьей шее.

– Налучь, – бросил Ксандор.

– Что?

– Чехол для лука. И лук, кстати, в нем. Поздравляю тебя, длинноухая, ты лучница.

– Ой...

При всех своих талантах, Ива никогда не держала в руках лук или другое серьезное оружие и опасалась, что первая же стрела, которую она попытается выпустить, угодит ей в ногу.

– Так, ладно... Может быть, какой-то случайный сбой. Попробуем еще раз.

Ксандор приблизился к Иве с видом хозяина, будто ее губы давно поступили в его безраздельное пользование и он может целовать ее, когда душе будет угодно.

– Нет! – Она уперлась ладонью ему в грудь.

– Нет?

– Два перехода подряд – слишком опасно. Придется нам задержаться здесь на какое-то время...

Ксандор собирался возразить, но не успел. Ни он, ни Ива не поняли, как очутились в кольце эльфийских девушек – те прокрались сквозь кусты совершенно бесшумно. Ива никогда прежде не видела эльфиек и залюбовалась: стройные, хорошенькие, с огромными глазами. Причем радужки оказались неожиданных цветов – от привычного карего и синего до фиолетового, а у одной смуглой эльфийки были даже оранжевыми. Интересно, а у нее самой какого цвета глаза?

Ксандор напрягся, пристально наблюдая за неожиданными гостями, но те не представляли угрозы. Луки не вынули, да и тонкие кинжалы не покинули ножен. Наоборот, девушки почтительно склонились перед Ксандором, наперебой заговорили-запели тонкими голосами.

– Ирэ кэл, кана. Араэ нил тар?

Ива ощутила, как звуки чужого языка проникают в душу, обрывают смыслом. «Все чисто, командир. Можно разбить лагерь?»

Ксандор и Ива переглянулись: «Что здесь происходит?» К сожалению, спросить об этом у эльфиек прямо они не могли.

– Араэ. – Ксандор наклонил голову, с легкостью переходя на эльфийский, и лицо у него было такое бесстрастное, словно он всю жизнь командовал отрядом эльфиек! Хотя командир – он в любом мире командир.

– Эя, пойдем со мной!

Ива не сразу поняла, что девушка с фиолетовыми глазами обращается к ней. Эя, значит! Главное – не забыть!

Ива старательно подмечала и запоминала все, что может пригодиться. Пока сведений было очень мало. Ксандор – командир небольшого эльфийского отряда. Ива скользнула глазами по поляне и насчитала пять девушек, вместе с ней – шесть. У всех луки за плечами и кинжалы у пояса. Вероятно, какой-то сторожевой отряд, несущий службу на границе эльфийских владений.

Эльфийки разбились на пары, разбрелись по опушке и встали на колени, уперев ладони в землю. Ива ничего не понимала, но повторяла то, что делают другие. Села? Опустилась на землю напротив напарницы, как и она, запустила пальцы в прохладную мягкую траву. И что дальше? Ива погладила стебельки, потрогала камешки, спрятавшиеся во мху. Может быть, они таким образом медитируют? Знать бы наверняка!

Ива подняла голову и заметила, как удивленно смотрит на нее эльфийка.

– Эя, тебе нездоровится? Ты какая-то бледная.

– Н-нет, – запинаясь, ответила Ива.

– Тогда давай уже вырастим этот несчастный шатер! Я ужасно устала и хочу отдохнуть!

Вырастим шатер? Ива постаралась придать лицу бесстрастное выражение, исподтишка наблюдая за другими парами. Оказывается, слова «вырастим шатер» вовсе не были иносказательными: из-под пальцев эльфиек пробивались ростки. Сначала тонкие, точно прутики, они тянулись вверх и постепенно набирали силу. Стебли становились толще, темнели, переплетались друг с другом, и скоро на пустом участке леса, где еще пару минут назад не было ничего, кроме травы, появились круглые шатры из лоз, покрытых листвой.

«Ого! Я что, тоже так могу?»

– Эя!

– Да-да! Сейчас!

Ива зажмурилась и прижала ладони к земле, пытаясь что-то почувствовать. Ее тело не должно потерять свою магию, надо только позволить ей вырваться на свободу. Кончиками пальцев она ощутила, как под землей будто бьются вены. Осторожно Ива коснулась одной из них, потянула.

«Расти, пожалуйста. Расти!» – взмолилась она.

И энергия земли откликнулась на ее зов, вытолкнула вверх стрелочки побегов.

Шатер у них получился самый маленький и кособокий. Лозы переплелись неравномерно, так что сквозь прорехи просвечивала земля, но дождя вроде не намечалось, поэтому Ива решила, что убежище вполне годное.

– Эя, Делира, что за кособокое убожество вы вырастили! – крикнула смуглянка с оранжевыми глазами.

Четверо эльфиек, закончив с работой, откровенно потешались над шатким сооружением. Взгляд Делиры потемнел.

– Ты бы, Лиора, лучше за собой следила! Огня до сих пор не развела, а ведь сегодня твоя очередь!

Ксандор замер посреди поляны, сложив руки на груди. Ива мельком посмотрела на его лицо и едва не прыснула. Префект изо всех сил старался сохранять спокойствие, но шатры из лоз, выросших из-под земли, выбили его из душевного равновесия. К тому же он явно никогда не командовал девушками. Если воинов-мужчин, вздумавших спорить и нарушать дисциплину на боевом задании, Ксандор быстро поставил бы на место где крепким словом, а где и кулаком, то, как вести себя с девушками, он не знал. На его лице застыло непередаваемое выражение, которое в целом можно было истолковать: «Да что за на фиг?!»

Он зацепился за последнюю фразу Делиры, как за спасательный круг.

– Почему до сих пор не разведен костер?

Лиора потупила взгляд, опустила на одно колено.

– Прошу простить, командир.

– Хм... Вставай... Идите... Все!

Ксандор махнул рукой в неопределенном направлении, и все послушно, хоть и недоуменно переглядываясь, углубились в гущу деревьев. Ива пристроилась рядом с Делирой.

– Кана Анадор сегодня не в себе, – сокрушенно прошептала Делира.

«Не в себе – это точно!» – мысленно согласилась с ней Ива.

Эльфийка подняла с земли сухую ветку и протянула ее Иве. Делира двигалась с грацией кошки – плавно, бесшумно. Ива залюбовалась ею. Впервые в жизни алая жрица казалась сама себе неповоротливой и громоздкой. Ветви хрустели под ее ногами, как бы тихо она ни старалась ступать. Делира едва заметно поморщилась.

– Ты устала, Эя. Мы все устали. Но скоро дежурство закончится, всего два дня осталось. Вернемся в Кеймариэль и как следует отдохнем! Хорошо, что с востока опасаться наступления орков не стоит. Мужчинам на западе приходится гораздо хуже. На прошлой неделе муж Ландимиры не вернулся. Весь отряд погиб. Да зачем я рассказываю, ведь ты и так знаешь...

Делира говорила и говорила, подбирая хворост и подавая его Иве: видно, эльфийке надо было выговориться. А Ива не перебивала, жадно впитывая каждое слово.

Вот, значит, как – у эльфов, выходит, неладно с орками. А небольшие отряды, такие, как этот, охраняют подступы к Кеймариэлю. С востока нападения не ждут, поэтому сюда отправляют отряды девушек, а вот на западе беспокойно. Как бы еще теперь пересказать все Ксандору?

Ива шла, задумавшись и глядя себе под ноги, когда вдруг уткнулась в спину Делиры, и только тогда поняла, что эльфийка уже несколько секунд напряженно молчит, а теперь и вовсе застыла, вглядываясь в просвет между деревьями.

– Что?..

– Ш-ш-ш...

Делира прижала палец к губам и указала подбородком куда-то в глубь леса. Ива посмотрела – острое зрение эльфийки позволило разглядеть громоздкие серые тени, которые двигались в направлении лагеря.

– Орки, – прошептала Делира.

Глава 13

На поляну Ива и Делира ворвались одновременно с другими эльфийками. Командир стоял на коленях на земле и раздувал огонь – тот уже весело потрескивал, тянулся вверх оранжевыми язычками. Ксандор, точно подкармливая голодного щенка, протянул ему щепочку.

– Орки! – выдохнула Ива.

Ксандор вскинул на нее взгляд. Конечно, он не знал ничего о вражде между орками и эльфами, но сложить два и два оказалось несложно: эльфийский отряд на границе леса и гости, появление которых никого не обрадовало.

– Идут сюда! – добавила Лиора.

– Что нам делать, кана Анадор? – растерянно спросила светловолосая эльфийка. – Мы не можем пропустить их в Кеймариэль. Но нас так мало...

Ксандор поднялся и тщательно затоптал костер. Повел плечами, давая себе секундную паузу, прежде чем ответить.

– Шатры убрать, – фразы сделались четкими и рублеными.

Две стражницы тут же бросились выполнять приказ, и через минуту на поляне не осталось никаких следов пребывания отряда.

– Ты...

Ксандор в упор посмотрел на светловолосую лучницу, которая так до сих пор и не пришла в себя. Стояла, обхватив себя руками. Ива услышала, как Лиора, проходя мимо, процедила сквозь зубы: «Амелин, стыдись! Ты на боевом посту!»

– Амелин! – Ксандор тоже уловил имя. – Как далеко до другого дозора?

– Сектор, где дежурит отряд каны Тильнора, в нескольких часах от нас. Если бежать без отдыха...

– Тогда беги, Амелин. Расскажи обо всем и приведи их на помощь.

Амелин, как показалось Иве, с облегчением вздохнула. Дважды повторять не пришлось: эльфийка энергично опустила на одно колено.

– Слушаюсь, кана Анадор!

Ах, как бы Иве хотелось тоже оказаться подальше от этого зловещего места! Как следует разглядеть орков она не сумела, но, чтобы испугаться, ей хватило и увиденного: огромные, массивные, неповоротливые создания. Ива заметила, как один из отряда орков налетел на деревце и то сломалось, точно сухая хворостина. Ива даже не знала, можно ли пробить их толстую шкуру.

– На деревья! – приказал Ксандор, когда Амелин, мелькнув зеленой стрелой, скрылась в лесу.

Ива никогда не лазила по деревьям... Похоже, она не делала слишком многого, что пригодилось бы ей в этом мире. Придется снова довериться телу!

Эльфийки без лишних разговоров разбежались по поляне, выбирая высокие деревья с густой кроной, в которой их было бы трудно обнаружить. Ива внимательно смотрела, как взбирается Делира – та подпрыгнула, обхватила ствол руками и буквально взбежала вверх, так что ноги оказались выше головы. В последний момент эльфийка изогнулась, забросила ногу на ветку, выгнулась и гибкой змейкой скользнула вверх, слилась с зеленой листвой. Ива отвлеклась от других лучниц буквально на секунду, а когда осмотрелась, поняла, что они с Ксандором остались одни на поляне.

Ксандор тихо выругался, вероятно, он тоже лазил по деревьям только в детстве. Но деваться было некуда: даже если он сейчас не видит стражниц, они, несомненно, наблюдают за своим командиром.

– Тело должно помнить, – сказала Ива, делая вид, что просто подбадривает себя вслух, а ни один мерзавец-префект ее не интересуется.

И быстро, не дожидаясь, пока нерешительность возьмет верх, подпрыгнула и вцепилась в шершавый, нагретый солнцем ствол. Пальцы едва не соскользнули – Ива удержалась на одних кончиках. Закусила губу и попыталась повторить трюк Делиры с забегом на дерево, но у нее ничего не вышло.

«О богиня! Да за что мне все это! – в сердцах подумала она. – Это не моя война! Это даже не мой мир! И меня никто не учил взбираться на деревья!»

Ива предприняла еще одну отчаянную попытку, уже понимая, что та станет провальной, но тут сверху наклонилась Делира – она висела, уцепившись за ветку только ногами, – и ухватила Иву за руки, помогая подтянуться. А снизу одновременно с эльфийкой – вот гад! – Ксандор подтолкнул Иву под пятую точку, так что алая жрица взлетела вверх, точно пробка, выпущенная из бутылки.

– Ах ты...

– Тсс! – прошипела ей в ухо Делира. – Молчи!

Ива собиралась мысленно позлорадствовать над неуклюжими попытками префекта вскарабкаться на соседний ясень, но тот неожиданно взобрался быстро и ловко. Видно, мальчишка, каким он когда-то был, вспомнил, что раньше умел лазить по деревьям.

Делира достала лук, положила его к себе на колени и вынула стрелу из колчана. Ива повторила следом за ней, давая себе обещание, что стрелять станет только в самом крайнем случае – как бы ненароком кого-то из своих не пристрелить.

Над поляной повисла тревожная тишина. Конечно, тревожной она была только в воображении Ивы – все так же звенели кузнечики, тренькали птахи, мышки-полевки шуршали в подлеске, но Иве чудилось, будто сгушалась над ее головой темная, страшная туча. Где-то там, уже совсем недалеко, навстречу им двигались орки.

Хуже всего было то, что с этим неприятелем невозможно договориться. Ива прочитала множество книг, изучила горы свитков и знала: даже непримиримые враги могут пойти на соглашение. Вот только орки не блистали умом и действовали по раз и навсегда заведенному правилу: «Эльф – враг. Убить, уничтожить!» Война, начавшаяся из-за приграничного участка леса между владениями эльфов и землями орков, вяло продолжалась уже не одно десятилетие. Орки с поразительным упорством не оставляли попыток пробиться к Кеймариэлю, отменяя любые предложения о переговорах. Об этом на бегу успела рассказать Делира, после того как они увидели отряд орков и Ива заикнулась о мирном договоре.

– С орками? Мирный договор? – фыркнула эльфийка. – Эя, ты сегодня точно не в себе! У орков один способ договориться – топор в голове!

И вот теперь они расселись на ветвях деревьев. Пять девушек, вооруженных только луками и кинжалами, да их командир, который прежде никогда не воевал с орками.

Ива нашла Ксандора взглядом: несмотря на то, что он был надежно укрыт среди листвы, девушка сразу увидела его, а потом догадалась, что это одно из умений лесного народа – замечать своих.

Ксандор тоже смотрел на нее. Указал глазами на лук, покачал головой. Ива скорчила гримаску: «Да знаю я!»

Рядом с Ксандором на дереве сидела эльфийка с каштановыми волосами. Лиора и синеглазая брюнетка расположились чуть поодаль, на кряжистом вязе. Не успели лучницы найти друг друга глазами, как в гуще деревьев раздался треск ломающихся ветвей, который становился все громче. Позже к нему присоединился гул – точно какой-то великан катил по земле каменные глыбы. Ива даже не сразу сообразила, что это звук шагов орков. Гортанный язык напоминал вороний грай. Алой жрице нелегко было уловить смысл в этих примитивных словах, особенно если учесть, что половину их заменяли ругательства.

– Грырх фаррат! Эхррат Тарк!

Первым на поляну вышел предводитель, остановился прямо под ясенем, на ветвях которого примостилась Ива, и она наконец смогла рассмотреть орка во всей красе.

Лучше бы не разглядывала! От страха ослабели руки, да так, что лук, что она держала на коленях, едва не скатился вниз. В последний момент его подхватила Делира, сумрачно посмотрела на Иву, потыкала себя пальцем в висок, что, вероятно, означало: «Эй! Очнись!»

Орк оказался на две головы выше Ксандора в обличье Анадора, и если эльф был хоть и высоким, но тонким и гибким, то это создание скорее напоминало серый валун, который каким-то чудом ожил, встал на короткие толстые ноги, обзавелся мускулистыми руками и приобрел крошечную приплюснутую голову. С высоты орк казался причудливым творением полумного скульптора: два булыжника у основания, огромный в центре, два вытянутых осколка скалы по бокам и наверху пирамиды камень, сдавленный с боков. Орка покрывала серая то ли кожа, то ли шкура, то ли он действительно был полностью слеплен из горной породы. Образ довершал грубо сработанный топор. Однако Ива не надеялась, что тот развалится от одного замаха – похоже, орки отлично управлялись со своим оружием.

«О богиня... Мы погибли!» – все, о чем могла подумать Ива, глядя на чудовище, вышедшее из леса.

– Разбить лагерь! – между тем повторил орк, не зная, что за ним наблюдает шесть пар глаз.

Уютная поляна, на которой совсем недавно хотел остановиться на отдых сторожевой отряд эльфов, очень скоро стала напоминать помойную яму. Орки не ставили шатров или палаток, они голыми руками устроили в земле лежанки, разбрасывая вокруг себя дерн и комья земли. В центре сложили огромный костер, сломав на дрова небольшие деревца, растущие по краю поляны.

Ива увидела, как побледнела Делира, закусив губу, точно от боли. Она и сама ощутила, как с каждым вырванным с корнем деревцем что-то в сердце вздрагивает и ноет, словно больной зуб.

Ива перевела взгляд на Ксандора. Тот низко свесился с ветки, рискуя свалиться прямоком на головы врагов, и пристально разглядывал лагерь. Ива узнала этот пронзительный взгляд. Тот самый, каким префект окинул и ее – алую жрицу, переступившую порог палатки. Похоже, он начал разрабатывать какую-то стратегию. Но какой план может помочь в борьбе с этими жуткими созданиями?

Обустроив лежанки, орки собрались вокруг костра.

«Один, два, три...» – мысленно считала Ива, а потом заметила, что губы ее напарницы тоже шевелятся: «Пятнадцать, шестнадцать...»

– Тридцать, – беззвучно произнес Ксандор. Коротко провел ладонью по лбу, и этот быстрый жест не укрылся от внимания Ивы. Префект впервые был растерян. Но его замешательство длилось не дольше секунды. Он выпрямился, оседлав ветвь, нашел взглядом всех лучниц и указал себе на грудь: «Смотреть на меня!»

Стражницы кивнули, но Делира указала вниз, на врагов, которые сейчас представляли очень удобную мишень. Изобразила, что натягивает лук, и вопросительно приподняла брови. Ива увидела, что другие девушки сжимают луки обеими руками, а кто-то уже успел вложить стрелу и натянуть тетиву.

Ива догадывалась о том, что эльфийки бьют без промаха. Но даже если четыре стрелы (себя Ива благоразумно не считала) попадут точно в цель, убить всех орков одновременно не получится, а выжившие узнают, где искать лучниц.

Ксандор подумал о том же и скрестил руки в яростном жесте, понятном на любых языках: «Нет!» А после вновь указал на себя: «Ждать!»

Ждать пришлось дотемна. Когда орки устроили привал на поляне, вечер только начинался. Они долго обжаривали на открытом огне добытые где-то куски мяса, потом так же долго глодали их, переговариваясь своими гортанными грубыми голосами. Лишь с заходом солнца принялись устраиваться на ночлег.

Ива уже не чаяла дожидаться! От долгого сидения у нее затекло все, что можно. Настырный маленький сучок, как бы она ни повернулась, так и норовил впиться в бедро. Пальцы, что держали лук, онемели, как, впрочем, и икры ног, которыми Ива уперлась в нижнюю ветку и с тех пор боялась пошевелиться, чтобы не выдать себя.

Орки ложились в ямы и забрасывали себя землей. Постепенно стало казаться, что на поляне нет ничего, кроме холмиков с торчащими из них валунами.

Дозор, конечно, выставили. Четверо угрюмых тварей кружили по кромке леса, настороженно вглядываясь в темноту.

Четверо! Ива даже вздохнула с облегчением. Если бы их было пятеро, за точность своего выстрела она бы не поручилась.

Зато с удивлением обнаружила, что хорошо видит в темноте – могла разглядеть лицо Ксандора. А тот вдруг кивнул и указал вниз: «Давайте!»

Четыре стрелы, тонко запев, сорвались с тетивы. Четыре острия навывлет пробили толстые орочьи шеи, да так метко, что твари не успели издать ни звука, молчаливыми горами свалившись там, где застал их выстрел. Выходит, они не так непобедимы, как казались!

Ксандор выхватил из ножен кинжал и первым прыгнул вниз. Делира и другие эльфийки – следом. Ива, мысленно застонав, кое-как сползла с дерева, обдирая руки. И только тогда поняла, что им, шестерым, придется сейчас расправиться с двадцатью шестью орками. То есть Иве нужно взять на себя по крайней мере четверых.

Она прижалась спиной к стволу, выставив перед собой короткий и казавшийся таким ненадежным эльфийский кинжал.

«О богиня! Прямо хоть самой просить Ксандора поцеловать меня!» – подумала Ива обреченно.

Но уже понимала, что и на этот раз поцелуй не сработает.

Пока Ива боролась с дурнотой, эльфы, неслышные, точно тени, разбежались по поляне. Теперь главное – действовать быстро и бесшумно, ведь стоит кому-то из орков подать сигнал о нападении, как эльфы потеряют преимущество над врагом.

Ксандор не торопился. Он подозвал к себе лучниц и направил к оркам, которые показались ему сильными противниками: в первую очередь надо избавиться от них. На себя префект брал предводителя.

Он несколько раз быстро взглянул на Иву, на кинжал, подрагивающий в ее руке, и указал ей место рядом с собой. Делира закатила глаза, а Ива малодушно отвернулась и бочком-бочком придвинулась к командиру.

Эльфийки натянули тетивы. Ксандор вытер о куртку ладонь, чтобы та не соскользнула с рукояти в самый неподходящий момент, и крепче перехватил кинжал. Посмотрел вверх, на небо, где куталась в рваные облака желтая, словно сыр, луна – она то выныривала из пелены, заливая поляну мертвенным светом, то пряталась, и тогда разглядеть что-либо могли только глаза эльфов.

Ксандор дождался, пока луна скроется, и кивнул.

Ива зажмурилась. Почти ничто не нарушило тишину. Она то ли слышала, то ли ощущала какое-то движение рядом с собой: Ксандор боролся с орком. Тонко, призрачно запели стрелы. Почудился приглушенный гул, будто под землей ворочались камни. И снова все замерло. Луна вышла из-за облаков, а на поляне стало на пять орков меньше.

Ксандор вытер кинжал пучком травы. Эльфийки вынули из колчанов и положили на тетиву стрелы. Командир окинул поляну цепким взглядом, выбирая новых врагов.

А Иве вдруг сделалось не по себе. Да, она прекрасно понимала, что силы неравны, что едва ли орки пощадят кого-то из эльфов в честной борьбе, да у них и понятия о чести нет. Знала, что на войне нет места благородству. И все же... Нападать на спящих...

Ксандор уже приготовился к следующей схватке, его лицо застыло, лезвие казалось продолжением руки. Внезапно Ива, поддавшись непонятному ей самой порыву, тронула его за запястье. Почувствовала даже сквозь ткань куртки, как напряжены его мышцы. Ксандор резко повернулся. Глаза эльфа фосфоресцировали травяной зеленью. Ива едва не отшатнулась, но вместо этого еще крепче сжала пальцы и покачала головой: «Нет, не нужно». Кивнула подбородком в сторону леса: «Уйдем. Дождемся помощи».

И тут же почувствовала толчок в бок. Делира, не выдержав, стукнула напарницу. На красивом лице застыло презрение. Конечно, она уверена, что Эя трусила, а Ива никак не могла объяснить ей, что алым жрицам с детства внушают мысль о ценности любой жизни. Что нельзя резать орков, точно скот, будь они даже самыми злобными, тупыми и уродливыми созданиями.

Ксандор стряхнул ее руку и указал на дерево, предлагая спрятаться. Нет, он тоже не поймет, что движет неразумной алой жрицей.

Все должно было повториться снова: несколько секунд молчаливой борьбы – и отряд орков не досчитается еще пятерых. Вот только напрасно они недооценили противника. Кто-то из эльфиек допустил ошибку: один из врагов был ранен стрелой, но не убит. Он затаился, выжидая подходящего момента.

– Эррах! Эррах! Тхарро!

«Опасность! Опасность! Враги!»

Рев раненого орка загрохотал, точно гром. Твари казались неповоротливыми и медлительными, но, как секундой спустя смогла удостовериться Ива, это было обманчивое впечатление: орки мгновенно вскочили на ноги, буравя эльфов маленькими злобными глазами.

Ближайший орк со свистом рассек топором воздух, метясь в Иву. Ксандор рывком откинул ее себе за спину. Присел, подныривая под лезвие, полоснул кинжалом по коленям твари, добил раненого ударом в горло.

Но что такое один орк по сравнению с десятком выживших! Эльфийки отступали спиной к деревьям. Их давно искромсали бы на части, если бы не мастерство лучниц – луки пели в руках, не смолкая ни на минуту. Отточенными, быстрыми движениями эльфийки отправляли стрелы в полет одну за другой. Правда, орки, истыканные стрелами, рыча и воя, продолжали наступать. Самым уязвимым местом у них оказалось горло, но прицелиться точнее в темноте, в пылу битвы, было не так просто.

Иве казалось, что секунды растянулись на часы. Она четко и ясно видела каждую деталь, каждое движение. Вот Лиора достигла дерева и, подскочив на самых носках, мягко отпружинив от земли, взлетела почти на два метра вверх, ухватила за ветку и скрылась в кроне. Синеглазая эльфийка последовала ее примеру. Они продолжили стрелять сверху, заставляя орков притормозить.

– На дерево! Быстро! – рявкнул Ксандор, и этот окрик ненадолго привел Иву в чувство.

Она поняла, что ни один топор до сих пор не раскрыл ей голову только потому, что Ксандор все это время закрывал ее собой. Тело эльфа оказалось невероятно гибким, а умения воина пригодились и в этой битве. Острие кинжала мелькало в руках префекта так быстро, что Ива едва могла за ним уследить.

Удар. Поворот. Еще удар. Ксандор уперся носком сапога в колено орка, перевернулся в воздухе, чиркнув лезвием по шее другого. Упал, как кошка, на четыре конечности, и тут же, не поднимаясь, подрезал сухожилие еще одного врага. Его окружали пятеро, на земле недвижимо застыли еще двое.

Ива сначала ползком, на четвереньках, а потом, кое-как поднявшись на ноги, ринулась к ближайшему дереву.

– Тхарро! – рык раздался над самой головой.

Ива успела вжать голову в плечи, уже почти ощутив, как тупое лезвие топора ломает кости. Но удара не последовало. Массивное тело грузно упало на землю: из шеи орка торчала стрела с желтым оперением. У Делиры такие стрелы.

Ива всхлипнула, прижалась спиной к стволу, выискивая эльфийку взглядом. Та отступала, окруженная со всех сторон. Тетива ее лука пела, выпуская стрелы одну за другой. Но вот Делира споткнулась о камень, и ее рука, пытаясь нащупать следующую стрелу, ухватила лишь воздух. Эльфийка вскрикнула коротко и обреченно, понимая, что ее бой проигран. Ксандор рванул на помощь, но никак не мог успеть. Топор орка поднялся и опустился. Все было кончено.

Ива зажала рот руками. Ее трясло и колотило, но она заставила себя двигаться дальше. Она – самое слабое звено. Нельзя подвести отряд: если орки ее заметят, то остальным придется кинуться на выручку, а это верная смерть.

Эльфийка с каштановыми волосами тоже взлетела на дерево. Ива, стиснув зубы и обдирая руки, кое-как вскарабкалась на вяз, к которому прижималась все это время. Ксандор ушел последним, скользнув взглядом по поляне и удостоверившись, что все, кто мог, покинули поле битвы.

«Что же дальше? Орки рано или поздно просто выкорчуют эти деревья вместе с нами! Нам не отсидеться!»

Ива обнимала ветку и дрожала, но сильнее страха была обида, что она провалила миссию. Сестры так надеялись на нее, а она подвела. Если она умрет в этом мире, то всех жриц Алого дома убьют... Если уже не...

Ива шмыгнула носом и запретила себе паниковать. Неизвестно, сколько прошло времени в Курже. Может, всего несколько минут! Она пока жива! Она вернется! Все будет хорошо!

– Эя! – прошелестел голос, а потом легкое тело едва слышно скользнуло между ветвей и опустилось рядом с Ивой.

– Лиора?

Лиора была на другом краю поляны, как она очутилась здесь?

Эльфийка протянула ей руку, помогая подняться. Ветвь, на которой они стояли, пружинила и раскачивалась под ногами, но Лиора каким-то чудом удерживала равновесие.

– Я знаю, что ты на самом деле не Эя. Ты странница. И Анадор тоже... Он сам сказал. Я помогу! – торопливо заговорила Лиора. – Держи меня за руку.

Ива вцепилась в протянутую руку, оставив вопросы о странницах на потом.

– Прыгаем! – Чувствуя, как напряглась Ива, эльфийка добавила: – Доверься мне!

Ива с трудом подавила крик, когда они с Лиорой оттолкнулись ногами от ветки и прыгнули во тьму. Алая жрица была уверена, что в следующую секунду либо распластается на земле, либо стукнется лбом о соседнее дерево. Но ничего подобного не произошло. Ива вдруг вспомнила, как Лиора подскочила на носочках и взлетела на два метра, и поняла, что надо делать. Легкие, бесшумные, как перышки, они перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Лиора уводила ее за собой в глубь леса, все дальше от поляны, битва на которой была так бесславно проиграна.

Глава 14

Ксандор и две оставшиеся в живых лучницы уже ждали их на ветвях дуба. Молча кивнули друг другу: слова были лишними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.